
М. А. НИКИФОРОВА

Н. П. ГРИНКОВА КАК ДЕЯТЕЛЬ СКАЗОЧНОЙ КОМИССИИ

(К 90-ЛЕТИЮ ВОЗОБНОВЛЕНИЯ РАБОТЫ СКАЗОЧНОЙ КОМИССИИ РГО)

На 2009 г. пришлось 85-летие возобновления работы Сказочной комиссии, а в следующем 2010 г. исполнилось 115 лет со дня рождения ее такого же «непременного», как председатель комиссии акад. С. Ф. Ольденбург, секретаря Надежды Павловны Гринковой (1895—1961) — не только секретаря, но и равноправной ее научной единицы.

Страна постепенно оживала после потрясений революций, мировой и гражданской войн. В 1919 г. вновь заработало Этнографическое отделение Географического общества под председательством акад. С. Ф. Ольденбурга, при секретаре проф. Д. А. Золотареве. «С каждым годом расширяя работу, отделение возобновило деятельность своих Сказочной и Музыкальной комиссий и вновь открыло комиссию по изучению детского фольклора и быта».¹

В 1921 г., обогащенная опытом первой в ее жизни «экскурсии» — двухсезонной экспедиции в Петроградскую губ.,² которой Н. П. Гринкова руководила и во время которой активно записывала диалектологический, фольклорный и этнографический материал,³ молодая преподавательница Педагогического и Географического⁴ институтов, еще не сдавшая магистерских экзаменов, вступила в Географическое общество. С ним будет связана вся ее жизнь (с 1945 г. — зам председателя Этнографического отделения), но наилучшим образом она реализовала присущий ей творческий потенциал в Сказочной комиссии, возобновившей свою деятельность 30 мая 1924 г., когда на заседании под председательством акад. С. Ф. Ольденбурга М. Б. Едемским, И. М. Калининым, А. Лященко, И. С. Абрамовым, В. П. Адриановой, В. Н. Перетцем, А. Н. Самойловичем, С. Е. Маловым, Н. П. Андреевым, В. И. Чернышевым, П. К. Симони, А. А. Макаренко были «произведены выборы Секретаря Сказочной комиссии», которым «избрана единогласно» Н. П. Гринкова.⁵

¹ Золотарев Д. А. Обзор исследовательских работ ленинградских учреждений по антропологии, палеоэтнологии и этнографии за последние 10 лет // Архив РАН, ф. 135, оп. 2, ед. хр. 125, л. 6. — См. также: Человек. 1928. № 2—4. С. 248.

² Ее «заданием» было «собрание материала по поручению Ученой коллегии Географического института для специальной диалектологической карты Ленинградской г(уб)». См.: Гринкова Н. П. Очерки по русской диалектологии. III. К диалектологии Ленинградской губернии // ИОРЯС АН СССР 1925 г. Л., 1926. Т. 30. С. 256.

³ В свою первую экспедицию, по свидетельству учившейся у нее С. Г. Ильенко, Надежда Павловна отправилась по совету А. А. Шахматова и впоследствии «как-то очень по-интимному» называла ее «шахматовской». См.: Ильенко С. Г. Крупным планом // Герценовская школа русской диалектологии Золотые имена: Н. П. Гринкова и В. И. Чагишева / Под ред. Г. А. Боровского и В. А. Козырева. РГПУ им. А. И. Герцена. СПб., 2004. С. 64.

⁴ Позже — географический факультет ЛГУ.

⁵ Архив РГО, ф. 1, 1924, ед. хр. 11, л. 1. — В таком составе комиссия собралась 30 мая. По свидетельству Н. П. Гринковой, в состав ее вошли «председатель комиссии С. Ф. Ольденбург, секретарь Н. П. Гринкова, секретарь Отделения этнографии Д. А. Золотарев, И. С. Абрамов, Н. П. Андреев, М. Б. Едемский, И. М. Калинин, А. Е. Кудряшева, А. И. Никифоров,

К моменту возобновления работы комиссии во многих регионах сказка еще продуктивна «как вид народного творчества», «продолжает развиваться, и количество сказок, которые еще могут быть у нас записаны, громадно»,⁶ а поскольку изменения общественной и государственной жизни «с необыкновенной быстротой меняют уклад даже и деревни», «собрание сказок является делом неотложным».⁷ Еще в 1916 г. председатель комиссии выдвигал тезис о необходимости «форсирования собирания сказок», поставив его «во главу угла всей фольклористической работы, особенно в России, где, в отличие от Европы, сказка пока еще не успела исчезнуть из быта народа или превратиться в простой бытовой рассказ или народную повесть»,⁸ «систематически собрать, пока еще не поздно, всю русскую народную сказку <...> и издать собранный материал соответствующим образом»,⁹ ибо, поскольку для многих народов «уже ничего сделать нельзя»,¹⁰ он приобретал особо важное значение для изучения не только русской и славянской, но и европейской сказки вообще. И возобновленная Сказочная комиссия «считает своим долгом усилить свою работу и смотрит на настоящий первый <...> чрезвычайно краткий обзор <...> как на средство обратить общее внимание на собирание и исследование народной сказки».¹¹

На заседании Сказочной комиссии, собравшейся в составе председателя С. Ф. Ольденбурга, секретаря Н. П. Гринковой, членов комиссии И. С. Абрамова, М. Б. Едемского, Д. А. Золотарева, А. Е. Кудряшевой, И. М. Калинина, А. И. Никифорова, Н. Е. Ончукова и В. И. Чернышева 14 ноября 1924 г., «Н. М. Элиаш¹² возобновила вопрос о составлении программы по собиранию народной сказки. По обсуждении этого вопроса, в котором приняли участие все присутствующие, постановлено: просить членов комиссии разработать проекты программы и рассмотреть эти проекты в одном из следующих собраний комиссии».¹³

Комиссией не только принято решение о составлении программы для собирания сказки: для учета собирателей и сказочников и для выяснения характера, количества и качества записей на местах и в хранилищах крупных библиотек выработано два вида карточек. Начата работа по «библиографированию» всего опубликованного сказочного материала: библиография собранного должна была иметь «значение справочника»; предполагалось картографирование сказочного материала. А в связи с решением перейти на систему учета сказочных мотивов Аарне, как пока самую удобную, и тем самым способствовать введению русской¹⁴ сказки в международный научный оборот необходимой стала и «каталогизация» указанного комиссией материала.

К 1924 г. за время, пока комиссия не функционировала, «накопилось чрезвычайно значительное количество научных записей народных сказок, которые

Н. Е. Ончуков, А. К. Сержпутовский, М. М. Серова, П. К. Симони, В. И. Чернышев, Н. М. Элиаш». См.: Гринкова Н. Отчет о работе Сказочной комиссии за 1924—25 гг. // Сказочная комиссия в 1924—25 гг. Обзор работ. Л., 1926. С. 7.

⁶ Ольденбург С. Ф. Исключительная важность исследования народной сказки // Сказочная комиссия в 1924—25 гг. С. 6.

⁷ Там же.

⁸ Новиков Н. В. О деятельности Сказочной комиссии РГО // Труды ИЭ. Нов. сер. Л., 1977. Т. 104. Вып. 7. С. 31.

⁹ Ольденбург С. Ф. Собрание русских народных сказок в последнее время // ЖМНП. 1916. Т. 8. С. 304.

¹⁰ Ольденбург С. Ф. Странствование сказки // Восток. 1924. Кн. 4. С. 158.

¹¹ Ольденбург С. Ф. Исключительная важность исследования народной сказки. С. 6.

¹² Н. М. Элиаш, так же как Н. П. Гринкова и А. Н. Лозанова, была выпускницей Женского педагогического института.

¹³ Архив РГО, ф. 1, 1924, ед. хр. 11, л. 2.

¹⁴ Восточнославянской в современном смысле: учитывались все восточнославянские материалы, записанные на русском, белорусском и украинском языках (и иноэтнические на тех же языках).

ждут издания», причем «многое из этого материала записано с соблюдением строжайших методологических требований»,¹⁵ что устраняло «основное препятствие» для «научного и систематического изучения народной сказки» — «отсутствие достаточно и вполне надежного материала». ¹⁶ Решение вопроса о методологически правильной фиксации сказочного материала, делающей его пригодным для научного исследования, было необходимым, «чтобы не делалась работа бесполезная и потому зачастую и вредная, ибо создает совершенно неверные представления о действительности». ¹⁷

Но к 1924 г., хотя «Сказочная комиссия не оставляет завещанного ей от прежней комиссии собрания живого сказочного материала»,¹⁸ установки ее смещаются в сторону «дальнейшей разработки методики собрания»¹⁹ и изучения народной сказки,²⁰ причем не только творческого процесса в сказке и в связи с ним роли рассказчика, так как «в сказке, лишенной почти всегда охраны стихотворной речи, значение сказителя очень велико»,²¹ но и культурной и социальной среды, «в которой вырастает и распространяется сказка»,²² «мастеров» и каждого, хоть сколько-нибудь владеющего жанром.²³ Обстоятельства записи, выяснение, «как бытует сказка», «как она создается, кто сказители, кому рассказывается сказка и как она воспринимается», — вот «основные вопросы, на которые нам нужны ответы». ²⁴ Особую важность приобретает изучение структуры сказки, выявление национального своеобразия, выражающегося в ее «характере построения», излюбленности определенных героев, а не в абстрактных «темах», не остановка на «средних, т. е. каких-то обезличенных формах сказки», а выявление полнокровных конкретных текстов, которые не остаются неизменными во времени, вопросов взаимоотношения фольклорных текстов с книжными.²⁵ Кроме того, «заимствования и скрещивания, которые мы изучаем по отношению к языку, могут особенно успешно изучаться на материале сказок». ²⁶ Исследование «скрещивания» фактически означало изучение не только сказочной основы, но и «скрещивающихся»²⁷ с нею субстратов — иноэтнического и книжного.

В 1939 г. в своей докторской диссертации с «чисто языковедным», по выражению Д. К. Зеленина,²⁸ заглавием «Воронежские диалекты» Надежда Павловна на материале историческом, очень многогранном лингвистическом, этнографическом²⁹ поставит вопросы этногенеза южных великорусов, волжских бул-

¹⁵ Ольденбург С. Ф. Исключительная важность исследования народной сказки. С. 6.

¹⁶ Ольденбург С. Ф. Собрание русских народных сказок в последнее время. С. 296.

¹⁷ Ольденбург С. Ф. Сборник сантальских сказок (К вопросу о методах собрания, записи и издания сказок) // СЭ. 1931. № 1/2. С. 192.

¹⁸ Гринкова Н. Отчет о работе Сказочной комиссии в 1924—25 гг. С. 9.

¹⁹ Азадовский М. К. С. Ф. Ольденбург как фольклорист // СЭ. 1933. № 1. С. 32.

²⁰ Не случайно программная статья ее председателя озаглавлена: «Исключительная важность исследования народной сказки».

²¹ Ольденбург С. Ф. Собрание русских народных сказок в последнее время. С. 305.

²² Ольденбург С. Ф. Сборник сантальских сказок... С. 191.

²³ «Краевой подход», с успехом применявшийся А. И. Никифоровым.

²⁴ Ольденбург С. Ф. Сборник сантальских сказок... С. 189.

²⁵ Там же. С. 191, 190, 189, 192, 190.

²⁶ С. Ф. Ольденбург. Исключительная важность исследования народной сказки. С. 6. — Вопросы «скрещивания» в языке поднимались акад. Н. Я. Марром.

²⁷ Считается, что великорусы сложились как этнос при участии финского (не суоми!) и балтского субстратов, белорусы — балтского, украинцы (но не русины!) — тюркского и иранского.

²⁸ Зеленин Д. К. Отзыв об этнографических работах Н. П. Гринковой. 1940 // Архив РАН, ф. 849, оп. 1, ед. хр. 663, л. 1.

²⁹ Исследование рассматривает вопросы заселения края, языка края в его развитии и разновидностях (язык документов, открытых ею сказочников, современной деревни), костюма населения края и их соседей (финских и тюркских народов Поволжья), а также болгар, македонцев и др.

гар (тюрк) и болгар балканских (славян), финских и тюркских (включая хазар) народов Поволжья, как вопросы в том числе и «скрещивания», говоря современным языком, суперстрата и субстратов, а также вопросы происхождения, бытования и развития южнорусского наречия и языка как явления в принципе.³⁰ Изучать данный вопрос «на материале сказок» не было возможности: они не были даже записаны, хотя именно Н. П. Гринкова открыла воронежскую сказочную традицию.

Сергей Федорович надеялся, что «дана будет возможность заняться собиранием, изданием и исследованием народной сказки, как Сказочная комиссия это делала прежде».³¹ Но отчет ее секретаря не оставлял никаких надежд на издание материалов в обозримом будущем: «Одну из главных задач Сказочной комиссии прежних лет, а именно систематическое издание сказок, ввиду отсутствия издательских возможностей пришлось отложить до более благоприятного времени и обратиться к другим, не менее насущным и более благоприятным заданиям».³² Н. П. Гринкова старалась максимально полно решить поставленные задачи в пределах доступного.³³

Издательская функция самой комиссии так и не была восстановлена, что привело к печальным результатам. Если олонекские сказочные записи научного руководителя Гринковой акад. А. А. Шахматова были изданы через 24 года в составе «знаменитого в истории изучения местной сказочной традиции сборника Ончукова»,³⁴ а «несказочные» «пролежали под спудом более полвека»,³⁵ то записи его ученицы ждала куда более суровая судьба.³⁶ Многие интереснейшие собрания — показатель культурного пласта нашего этноса и плод непростой работы квалифицированных собирателей — безвозвратно утрачены из-за отсутствия «надежды на их издание». Д. А. Золотарев писал о том, как «важно получить возможность публикации не только небольших исследований, но и материалов».³⁷ Возможность эта так и не была осуществлена.³⁸ К счастью, не все воронежские записи Н. П. Гринковой «надо считать потерянными для нау-

³⁰ Гринкова Н. П. Воронежские диалекты // Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. Л., 1947. Т. 55.

³¹ Ольденбург С. Ф. Исключительная важность исследования народной сказки. С. 6.

³² Гринкова Н. П. Отчет о работе Сказочной комиссии за 1924—25 гг. С. 7—8.

³³ Справедливости ради нужно сказать, что некоторые сказочные сборники были изданы «на местах» областными издательствами.

³⁴ Азадовский М. К. Предисловие // Фольклорные записи А. А. Шахматова в Прионежье. Петрозаводск, 1948. С. 7.

³⁵ Шахматова-Коплан С. А. Олонекские записи А. А. Шахматова // Там же. С. 10.

³⁶ Из 72 записанных ею от А. К. Барышниковой сказок три опубликованы М. К. Азадовским в антологии: Русская сказка: Избранные мастера. М.; Л., 1932. Т. 1, 2; две — в диалектологических изданиях; собственно сказочные тексты 1925 г. (кроме половины сказки «Иван-Болтун») найдены мною в 2006 г. и, кроме двух номеров, опубликованы в кн.: Полное собрание русских сказок. СПб.: Тропа Троянова, 2007. Т. 14: Сказки Куприяники: Записи 1925—1942 гг. Тексты 1936 г. не обнаружены. Найденные мною сказки Д. И. Трухачёва в настоящее время готовятся к печати (в диалектологических изданиях опубликованы две его сказки — одна народная и одна самодеятельная, подготовленные к печати самой Надеждой Павловой). Где искать остальное (а Гринкова работала с этническими группами русских, проживавших на территории от Ленинградской, Псковской, Брянской областей на западе до Семипалатинской на востоке и от Архангельской на севере до Воронежской на юге, записывая все жанры, но предпочтение отдавала сказкам и описаниям свадебного и троичских обрядов со всем сопровождающим их фольклором), неизвестно: мною обнаружено лишь небольшое количество разрозненных сказочных и песенных материалов (в частности, тексты нескольких свадебных песен воронежского села Прилепы).

³⁷ АРАН, ф. 135, оп. 2, ед. хр. 125, л. 26. — См. также: Человек. 1928. № 2—4. С. 259.

³⁸ В статье «Вопрос о сказочнике в русской фольклористике» 1934 г. Надежда Павловна отметит отсутствие публикации материалов при обильных сведениях о сказочниках. Даже крупнейший по числу номеров из записанных в то время сказочный репертуар, привезенный Н. П. Гринковой из Воронежской обл. (56 текстов за две недели от А. К. Барышниковой из с. Б. Верейка б. Землянского р-на в 1925 г. плюс еще 16 сказок в 1936 г.), не был опубликован.

ки»,³⁹ о чем свидетельствуют найденные мною сказки А. К. Барышниковой и Д. И. Трухачёва.

Проблема «издания собранного материала» стояла в 20-х гг., стоит и сейчас, хотя в последние два десятилетия активно издаются выборки из разнообразных сказочных архивов. К сожалению, в настоящее время это издание материала уже мертвого: Россия перестала быть «сказочной» страной.

Если обзоры «Сказочная комиссия в 192⟨...⟩ г.»⁴⁰ печатались на средства Географического общества, то многие исследовательские работы членов комиссии находили приют в других изданиях, в том числе периодических, таких как «Краеведение» и «Этнография»; в создании последнего Н. П. Гринкова принимала живейшее участие. Издание рождалось трудно. 8 марта 1927 г. Б. М. Соколов жалуется С. Ф. Ольденбургу: «Отдел рецензий по-прежнему слаб: от ленинградских ученых (список рецензентов и книг у Н. П. Гринковой, я ей его передал для наблюдения) еще ни одной рецензии не получено мной», — и просит: «Сергей Федорович, пригласите к себе Надежду Павловну и дайте ей ряд поручений в связи с моими просьбами. Она очень охотно обещалась помогать нам. Я ей напишу, чтобы она на этих днях побывала у Вас, если болезнь Ваша разрешит Вам приемы по делам».⁴¹ Усилия увенчались успехом: издание вышло интересным. «Из своих впечатлений о съезде в Польше я прямо могу сказать, что наша „Этнография“ произвела фурор», — писал Б. М. Соколов 1 августа 1927 г.⁴²

Надежда Павловна никогда не отказывала в помощи и не уклонялась от своих обязанностей. Лишь однажды она «не решится» их выполнить и попросит:

«Глубокоуважаемый Сергей Федорович!

Одиннадцатого февраля в Германии будет праздноваться 70-летний юбилей проф. Volte; от Сказочной комиссии желательно послать ему приветствие. Не откажите эту обязанность, падающую собственно на секретаря, выполнить Вы, так как я не решаюсь взять это на себя. Прилагаю бланки комиссии, если они Вам понадобятся.

Разрешите в пятницу, 10-го февраля, назначить заседание Сказочной комиссии. Постараюсь позвонить Вам в субботу в 5—6 часов, так как кроме этих дел у меня есть еще несколько вопросов к Вам.

Уважающая Вас Н. Гринкова».⁴³

К работе Сказочной комиссии привлекались не только ее члены, но и все, кто мог помочь делу. В документах Надежды Павловны сохранился трудночитаемый черновик фрагмента протокола «частного совещания фольклористов» от 7 апреля 1929 г., подписанный кроме С. Ф. Ольденбурга и ее самой не только членами Сказочной и других комиссий ГО,⁴⁴ но и представителями различных научных учреждений и даже студентами, из которых позже выросли изве-

³⁹ Иванова Т. Г. Русская фольклористика в стенах Российской Академии истории материальной культуры // Из истории русской фольклористики. СПб., 2007. Вып. 7. С. 31.

⁴⁰ Вышли: Сказочная комиссия в 1924—25 гг. Л., 1926; Сказочная комиссия в 1926 г. Л., 1927; Сказочная комиссия в 1927 г. Л., 1928. — Географическое общество имело статус Государственного географического общества.

⁴¹ Письмо Б. М. Соколова С. Ф. Ольденбургу от 8 марта 1927 г., Москва // Архив РАН, ф. 208, оп. 3, ед. хр. 553, л. 15 об.—16.

⁴² Письмо Б. М. Соколова С. Ф. Ольденбургу от 1 августа 1927 г., ст. Гайворон Юго-Западной ж. д. // Там же, л. 18 об.—19.

⁴³ Письмо Н. П. Гринковой С. Ф. Ольденбургу от 3 февраля 1928 г. // Там же, ф. 208, оп. 3, ед. хр. 171, л. 1—1об.

⁴⁴ Например, Н. П. Гринкова, А. Г. Данилин и О. И. Капица представляли соответственно Сказочную, Музыкальную и Детскую комиссии.

стные фольклористы, из разных городов страны;⁴⁵ среди этих фамилий даже несведущий человек увидит много знакомых по сказочным сборникам. Советование сочло необходимым созвать «конференцию фольклористов для обсуждения ряда первоочередных вопросов», к которым были отнесены «методология фольклористики», «постановка собирания, в частности, среди национальных меньшинств», вопросы хранения и систематизации, организации фольклорных архивов, издания материалов, преподавания фольклора в вузах, картографирования фольклорного материала и пр. Ставились также теоретические проблемы: определение «задач, границ и методов фольклористики (в частности, размежевание с соседними дисциплинами — этнографией и литературоведением)», «установление научной фольклористической терминологии».⁴⁶

На заседании Сказочной комиссии от 19 апреля 1929 г.⁴⁷ С. Ф. Ольденбург поднимает вопрос о распространении задач, стоящих перед нею, на все народы страны: «Просить принять участие в наших работах представит(елей) национальностей, чтобы выявить собирание у всех народностей»,⁴⁸ а также о выборке народной сказки из литературных произведений: «Из прежней литературы не намечалось ли извлечение материалов по сказке (напр(имер), у Толстого). Желательно, чтобы извлекали этот материал из литературы». Но указателя фольклорных произведений, в частности сказочных сюжетов, содержащихся хотя бы в произведениях классиков, нет до сих пор.⁴⁹ Это была проблема взаимодействия и взаимовлияния фольклора и «книжности», неоднократно поднимавшаяся С. Ф. Ольденбургом, на сей раз прямо на материале русской сказки. Н. П. Гринковой пришлось столкнуться с нею в собственной исследовательской практике в связи с творчеством Куприянихи, среди текстов которой пересказ (точнее, модификация) не только произведений Л. Н. Толстого, но и Д. Дефо.⁵⁰

⁴⁵ С. Ф. Ольденбург представлял Академию наук, ТЕО, Сказочную комиссию ГО и ЛГУ, Н. П. Гринкова — Сказочную комиссию, Н. П. Андреев и А. И. Никифоров — Институт литературы и языка, А. Н. Самойлович — Исследовательский институт восточных языков, А. М. Смирнов-Кутачский — Ярославский педагогический институт и РАНИОН, М. К. Азадовский — Иркутский университет, В. Г. Богораз-Тан, Д. К. Зеленин, Н. М. Маторин — ЛГУ и некоторые другие организации и общества, Ю. М. Соколов — ГАХН, РАНИОН, 1-й МГУ, Институт этнографии и востоковедения, его брат Б. М. Соколов — Центральный музей народоведения, ГАХН, РАНИОН и 2-й МГУ, студенты Н. И. Кравцов и В. И. Чичеров — соответственно 1-й и 2-й МГУ и пр. Этот протокол подписан кроме С. Ф. Ольденбурга и Н. П. Гринковой В. М. Жирмунским, И. В. Карнауковой, Н. П. Колпаковой, А. И. Никифоровым, В. Я. Проппом, И. М. Пульнером, Б. М. Соколовым, Дыренковой, Н. М. Маториным, Яковлевым, В. И. Чичеровым, Н. Е. Ончуковым, К. Мыльниковой, Д. К. Зелениным, Н. П. Андреевым, З. Куприяновой, Н. М. Элиаш, О. И. Капицей, Поповой, Г. Старцевым, Л. А. Мерварт, Матвеевой (Вятка), Е. Н. Елеонской, М. М. Серовой, А. Г. Данилиным, Е. Пещеревой, М. К. Азадовским и др. (41 подпись). См.: Черновик фрагмента протокола «частного совещания фольклористов» (Сказочной комиссии) от 7 апреля 1929 г., автограф Н. П. Гринковой // Музей истории РГПУ им. А. И. Герцена, личный фонд Н. П. Гринковой. — Далее: МИ РГПУ, л. ф. Гринковой.

⁴⁶ См.: Там же.

⁴⁷ Фрагмент черновика протокола заседания Сказочной комиссии от 19 апреля 1929 г., автограф Н. П. Гринковой // МИ РГПУ, л. ф. Гринковой.

⁴⁸ Упоминание об этом см.: *Азадовский М. К.* С. Ф. Ольденбург как фольклорист. С. 32. — Сама Надежда Павловна изучала не только русский, но и финские (например, мордву, марийцев, удмуртов и пр., но не суоми) и некоторые другие народы нашей страны, например башкир и чувашей — «турецкие», как тогда называли, народы (чувашаи — тюрки по языку и финны по культуре), но, сколько мне известно, со стороны этнографии, а не фольклора: она владела многими, но только европейскими языками.

⁴⁹ Так, например, зафиксированный СУС ВСС под № 804 сюжет «Грешная мать» о попытке спасения грешницы, когда-то протянувшей луковку бедняку, не учитывает полноценного текста, который в уста Грушеньки вкладывает Ф. М. Достоевский в «Братьях Карамазовых» (часть третья, кн. 7 «Алеша», гл. III «Луковка»).

⁵⁰ «Робинзон Крузо» в восприятии А. К. Барышниковой — текст под названием «Путешествие» в гринковской записи, как и пересказы произведений Л. Н. Толстого «Бог правду видит, да не скоро скажет» и «Чем люди живы», не найдены (обнаружены только подлинные сказки), в записи А. М. Новиковой и И. А. Оссовецкого см. соответственно: № 55 «Про солда-

К сожалению, задача сбора всей русской сказки и картографирования всех сюжетов так и осталась невыполненной. В своей последней фольклористической статье «Воронежский фольклор» Н. П. Гринкова сетует на то, что страна и к 1940 г. оставалась не обследованной в фольклорном отношении: «...что хранится в народной памяти, но еще не попало в научный оборот, — определить трудно. Районов, из которых у нас нет вовсе ни записей, ни сведений, очень много».⁵¹ Надежда Павловна несколько не преувеличивала: несмотря на активизацию собирания фольклора в 50—80-х гг., не только через 15 лет, но и через полвека после возобновления работы Сказочной комиссии участниками Всесоюзной научной конференции по координации собирания и архивного хранения русского фольклора в октябре 1979 г. отмечалось, что «ни степень (полноты записи), ни качество собранного материала нельзя признать удовлетворительным»,⁵² констатировалось отсутствие записей в некоторых регионах «до недавнего времени»: так, «современный русский фольклор, бытующий на территории Удмуртии, не только не исследовался, но даже до 1970 г. целенаправленно не собирался»,⁵³ «целенаправленное собирание и изучение русского фольклора населения Тувы началось сравнительно недавно»,⁵⁴ богатства фольклора Орловского края «еще недостаточно полно учтены и изучены»,⁵⁵ «никогда не ставилась задача специальной записи былички»,⁵⁶ и опять звучал призыв поторопиться собрать оставшееся.⁵⁷ Расчет Гринковой на то, что первый этап (по ее мнению, в 1939 г. он «только еще начинается»), то есть «выявление самых произведений, самого конкретного материала» и «тщательное, углубленное изучение фольклора различных областей», выльется в работу «по углублению и расширению сборов, по обследованию еще не выявленных богатейших ресурсов фольклора»,⁵⁸ не оправдался. Слишком многое из того, что хранилось в народной памяти, упущено навсегда.

Благодаря вниманию к чисто исследовательским вопросам в недрах комиссии вызрели теоретические работы таких ученых, как Н. П. Андреев, А. И. Никифоров, В. Я. Пропп,⁵⁹ в значительной степени, вероятно, и В. М. Жирмунский и др.,⁶⁰ активно решались методологические вопросы, а «поле» ста-

та»; № 53 «Аксенав-купец» и № 9 «Семен-пьяница»: Сказки Куприянихи / Сост. А. М. Новикова, И. А. Оссоветский. Воронеж, 1937. — Кроме того, в сказке «Двенадцать лебедей» в записи Надежды Павловны (№ 38, 1925) присутствуют мотивы сказок братьев Grimm «Одиннадцать братьев» и «Шесть лебедей» и андерсеновских «Диких лебедей». — См.: Сказки Куприянихи: Записи 1925—1942 гг. № 39.

⁵¹ Гринкова Н. П. Воронежский фольклор // Песни и сказки Воронежской области. Воронеж, 1940. С. 13.

⁵² Венедиктов Г. Л. О целях фольклорного собирательства: Доклад на Всесоюзной научной конференции по координации собирания и архивного хранения русского фольклора // ИРЛИ, 23—27 октября 1979 г., рукопись, л. 1 (Архив Г. Л. Венедиктова).

⁵³ Из выступлений на Всесоюзной научной конференции // Русский фольклор. Л., 1984. Т. 22. С. 156.

⁵⁴ Там же. С. 154.

⁵⁵ Там же. С. 140.

⁵⁶ Там же. С. 144.

⁵⁷ Балашов Д. М. От полевой записи — к изданию // Русский фольклор. Л., 1985. Т. 23. С. 87.

⁵⁸ Гринкова Н. П. Воронежский фольклор. Вариант статьи. Машинопись. С. 26 // МИ РГПУ, л. ф. Гринковой.

⁵⁹ «Кроме собирательской работы велась и научно-исследовательская разработка сказки членами комиссии Н. П. Андреевым, А. И. Никифоровым и В. Я. Проппом»: Н. П. Андреев продолжил работу «в связи с новыми материалами каталога сказочных сюжетов Аарне», А. И. Никифоров «начал работы над изучением жанров сказок», В. Я. Пропп «заканчивал работу по морфологии волшебной сказки и разрабатывал вопросы, связанные с составлением указателей к сборникам сказок» (Краткий отчет о деятельности Сказочной комиссии в 1927 г. // Сказочная комиссия в 1927 г. Л., 1928. С. 5—6).

⁶⁰ В. М. Жирмунский принимал участие в заседаниях комиссии, постоянно контактировавшей и с москвичами, например подсекцией народной словесности ГАХН под председа-

новилося не просто местом записи сказок, а научно-исследовательской лабораторией. Так, наряду с поиском сказок и исчерпанием репертуара отдельных сказочников А. И. Никифоровым стал применяться «краевой» метод: «брать сказку у всякого, кто ее знает, брать первую сказку (без отбора) и записывать полно и фонетически точно»⁶¹ — подход, при котором, по мнению Надежды Павловны, только и можно судить о «широкой жизни сказки, о ее бытовании и распространении».⁶²

Как человек активный и человек долга, она много сделала для того, чтобы работа комиссии была продуктивной, и не зря все время ее существования оставалась ее бессменным секретарем. «Прежде всего по моему складу характера я скорее умру от спокойной, чем от „беспокойной“ жизни», — писала она.⁶³

В ее руки стекались сведения о всей собирательской и исследовательской деятельности, касающейся сказок: «В Комиссии объединились для совместной разработки вопросов фольклористики и как одного из наиболее интересных ее видов — сказки представители этой специальности...»⁶⁴ — крупнейшие сказковеды страны, представители не только Ленинграда и Москвы, но и других городов, как собиратели-практики, так и исследователи-теоретики. Со многими из них Надежда Павловна работала не только в Сказочной комиссии и Этнографическом отделении Географического общества: с С. Ф. Ольденбургом и Д. А. Золотаревым ее связывала работа в Академии истории материальной культуры, с Д. А. Золотаревым, А. К. Сержпутовским, А. Н. Самойловичем, А. А. Макаренко и другими — в Этнографическом отделе Русского музея,⁶⁵ с В. Я. Проппом⁶⁶ и другими — в ЛГУ, с Н. П. Андреевым и О. И. Капицей — в Педагогическом институте им. А. И. Герцена⁶⁷ и пр., что расширяло возможности научных контактов.

Но Гринкова не только секретарствовала в Сказочной комиссии: она не потерялась среди крупных ученых и стала равноправной среди них. «Авторитет исследовательницы был велик, тем более что она играла видную роль в Сказочной комиссии и выступала с отчетами о ее работе», — писал Е. А. Костюхин.⁶⁸ При фольклорной работе она всегда руководствовалась установками Сказочной

тельством Ю. М. Соколова, и с учеными из других городов; М. К. Азадовский и Д. К. Зеленин, работавшие соответственно в Иркутске и Харькове, были ее представителями «на местах».

⁶¹ Никифоров А. И. Сказочные материалы Заонежья, собранные в 1926 г. // Сказочная комиссия в 1926 г. С. 11.

⁶² Гринкова Н. П. Вопрос о сказочнике в русской фольклористике // С. Ф. Ольденбургу. К 50-летию научно-общественной деятельности, 1882—1932: Сб. ст. / АН СССР. Л., 1934. С. 177.

⁶³ Из письма к А. И. Ивановой от 25 апреля 1951 г. — См.: Иванова А. И. О пережитом // Герценовская школа диалектологии. Золотые имена: Н. П. Гринкова и В. И. Чагишева. С. 98.

⁶⁴ Юбилейный адрес Сказочной комиссии ее председателю С. Ф. Ольденбургу от 1 января 1933 г. // Архив РАН, ф. 208, оп. 2, ед. хр. 30-А, л. 1. — С течением времени, согласно Н. В. Новикову, кроме перечисленных Н. П. Гринковой лиц состав комиссии пополнился такими специалистами, как Д. К. Зеленин, О. И. Капица, Л. А. Мерварт, С. П. Обнорский, В. Я. Пропп, Ю. М. Соколов. См.: Новиков Н. В. О деятельности Сказочной комиссии РГО. С. 33.

⁶⁵ С 1934 г. — Музей этнографии народов СССР, ныне РЭМ — Российский этнографический музей.

⁶⁶ Любопытно, что в Женском педагогическом институте Надежда Павловна подчас обучалась у тех же профессоров, что и ее ровесник В. Я. Пропп в университете.

⁶⁷ Н. П. Гринкова не прерывала связей с родным институтом с момента его окончания в 1918 г. до самой смерти: начав преподавание под заочным руководством любимого профессора Н. М. Каринского, переехавшего в голодное время в Вятку, она и умерла профессором этого института.

⁶⁸ Костюхин Е. А. 1920-е гг.: становление отечественного сказковедения // Из истории русской фольклористики. СПб., 2007. Вып. 7. С. 39.

комиссии и более широкими, направленными на изучение человека в «этнологическом аспекте», как общественного, этнокультурного существа.⁶⁹

Фольклористика не была основной сферой ее научных интересов; более того, в учетных карточках РГО ее специальность обозначена как «история и диалектология русского языка и русская этнография».⁷⁰ По мысли С. А. Шахматовой-Коплан, «изучающий живые говоры неизбежно становится и этнографом и фольклористом»⁷¹ и получает возможность «соприкоснуться с сокровищами народного творчества», а Надежда Павловна по совету А. А. Шахматова в университете подготовилась к научной деятельности в области не только лингвистики, но и этнографии. Фольклор она собирала и изучала и как фольклорист, и как историк языка и диалектолог. И если А. А. Шахматов вошел в историю науки о фольклоре «как исследователь — собиратель и теоретик»,⁷² то же можно сказать и о его последовательнице и ученице. Алексей Александрович широко известен как член Сказочной комиссии и собиратель сказок, хотя уже по результатам его первой диалектологической поездки 1884 года в Олонецкий край⁷³ виден «более широкий круг его фольклорных интересов».⁷⁴ Записывая разнообразный фольклор, Гринкова получит известность в среде фольклористов именно как собиратель и исследователь сказок, вооруженный научной методикой, выработанной и развитой Сказочной комиссией (в том числе и ею самой) под руководством акад. С. Ф. Ольденбурга. Для нее исследовательская работа начиналась прямо в поле.

Собственные полевые исследования проводили и учителя Гринковой — член-кор. АН Н. М. Каринский и академики А. А. Шахматов и Е. Ф. Карский. Именно собственную полевую работу их ученица сделает базой и основой всех своих изысканий во многих областях народознания, изучая при этом разнообразный и разновременный материал своих предшественников в архивах, музеях, библиотеках, «копая» в глубь времени и вширь — охватывая области, смежные (во всех смыслах) с областью исследования. Этот метод она будет соблюдать неукоснительно. И на протяжении всего творческого пути ее будут волновать вопросы методологии записи и исследования материала.

Объяснение причины опоры на собственный материал находим в статье «Вопрос о сказочнике в русской фольклористике»: высоко оценив работу М. К. Азадовского «Русские сказочники», она отметила, что сам сказочный материал, «собранный под определенным углом зрения прежними собирателями», «не дал возможности всесторонне осветить поднятые автором вопросы».⁷⁵ Он хотел видеть в Куприяних представительницу «крестьянской богемы», на примере которой решался бы вопрос бытования «поселенческой» сказки, но ни тексты сказок, ни подробнейшая характеристика собирательницы не давали к этому ни малейших оснований: реальный полевой материал и «угол зрения» собирательницы Гринковой вступали в противоречие с установками и задачами

⁶⁹ В 1923 г. изучение «Человека» было признано столь же важным, как и изучение производительных сил страны.

⁷⁰ Архив РГО. Учетная карточка Н. П. Гринковой от 25 мая 1945 г. В учетных карточках от 26 ноября 1938 г. 15 мая 1941 г. в графе «специальность» значатся «диалектология и этнография» и «лингвистика и этнография». Сохранились данные о ее вступлении в РГО в 1921 г., но не сами карточки 20-х гг.

⁷¹ Шахматова-Коплан С. А. Олонецкие записи А. А. Шахматова // Фольклорные записи А. А. Шахматова в Прионежье. С. 12.

⁷² Азадовский М. К. Предисловие // Фольклорные записи А. А. Шахматова в Прионежье. С. 6.

⁷³ Диалектологические поездки А. А. Шахматов совершал в 1884, 1895, 1908 и 1912 гг. См.: Шахматова-Коплан С. А. Олонецкие записи А. А. Шахматова. С. 9.

⁷⁴ Записи 1884 г. «заклучают в себе 71 сказку, 11 былин, 2 духовных стиха, 30 загадок и большое количество свадебных песен и причетов» (Шахматова-Коплан С. А. Олонецкие записи А. А. Шахматова. С. 9).

⁷⁵ Гринкова Н. П. Вопрос о сказочнике в русской фольклористике. С. 175.

исследователя Азадовского. Марку Константиновичу дорога была мысль о сохранении и развитии сказки деклассированными элементами: он ориентировался на собственный опыт в Сибири, где «поселенцы» еще рассказывали в том числе и сказку (интерпретируя ее в собственном духе), в отличие от тех «выломившихся» из традиции жителей метрополии, которые, по словам М. Б. Едемского, славясь как рассказчики, зачастую не знали ни одной настоящей сказки.⁷⁶ Но на материале «расейской» сказочницы, которая более всего ценила волшебную, традиционную сказку и ее нравственный подход не только в своих текстах, но и в быту и сама была «типологически родственна фольклорным персонажам», поскольку «фольклор — это система взаимосвязанных ценностей»,⁷⁷ решить вопросы «поселенческой» сказки было совершенно невозможно. Именно это, высоко оценив работу исследователя в целом, очень тактично отметила Надежда Павловна. Ставить вопрос о Куприяниках как представительнице «крестьянской богемы», «кулацких» или «бедняцких» слоев, как это делали многие фольклористы, можно было, лишь замалчивая ее *подлинный* материал. Для антологии «Русская сказка. Избранные мастера» и были отобраны всего три сказки из 56 имевшихся записей Гринковой, не выражающие сущности данной рассказчицы,⁷⁸ но могущие поддержать гипотезу составителя.⁷⁹

Петроградская «экскурсия» 1920 и 1921 гг. оказалась для исследовательницы началом громадной полевой практики. Н. П. Гринкова объездила многие регионы страны в составе комплексных экспедиций, организованных научными учреждениями города, в частности КИПС, Академией наук, ГАИМК⁸⁰ и ЭО ГРМ,⁸¹ от Архангельской области на севере до Воронежской на юге, от Ленинградской, Псковской и Брянской областей на западе до р. Бухтармы у китайской границы на южном Алтае на востоке, и отовсюду привозила и фольклор.⁸² Жизнь сталкивала ее с крупнейшими учеными, у которых она не уставала учиться, — с А. А. Шахматовым, С. Ф. Ольденбургом, Н. Я. Марром и другими. Работа под руководством многолетнего «патрона»⁸³ проф. Д. А. Золотарева — зав. 1-м отделением (русских и финнов) ЭО ГРМ, начальника этнографиче-

⁷⁶ Едемский М. Б. О собирании русских народных сказок: Из отчетов об этнологических наблюдениях по Северу России за последние годы // Сказочная комиссия в 1924—25 гг. С. 44. — Под «Севером» здесь понималась та часть территории страны, население которой жило по севернорусским традициям, включая Верхневолжье, — деление культурное, а не климатическое. Иногда же и здесь традиционный материал коверкался до неузнаваемости, что было сходно со сказкой «поселенческой».

⁷⁷ Венедиктов Г. Л. О целях фольклорного собирательства: Доклад на Всесоюзной научной конференции по координации собирания и архивного хранения русского фольклора. ИРЛИ. Окт. 1979. Рукопись, тезис 3. С. 3 (Архив Г. Л. Венедиктова).

⁷⁸ Азадовский М. К. Русская сказка. Избранные мастера. М.; Л., 1932. Т. 1, 2. — Статью о Куприяниках см. в т. 1 (с. 133—137); сказки Куприяники см. в т. 2 (№ 30. «Два брата» («Шемьякин суд»); № 31. «Старуха»; № 32. «Поп-скука»).

⁷⁹ Вся масса записей Гринковой, дающая весьма полное представление о характере разнообразного репертуара сказочницы, оставалась недоступной не только читателям, но и исследователям долгие 82 года, поскольку даже в 20-е гг. Сказочная комиссия не имела возможности публикации не то что новых материалов, но и подготовленных к печати сборников, как например сборник сказок М. Б. Едемского.

⁸⁰ В 1921 г. Н. П. Гринкова избирается научным сотрудником Этнографического разряда Академии истории материальной культуры. Комплексным экспедициям ГАИМК, в том числе собирательской и исследовательской работе в них Н. П. Гринковой, в значительной степени посвящена статья: Иванова Т. Г. Русская фольклористика в стенах Российской Академии истории материальной культуры. С. 10—32.

⁸¹ С 1934 г. — Музей этнографии народов СССР, в настоящее время — Российский этнографический музей (РЭМ).

⁸² Местонахождение большинства материалов неизвестно. Для сказок «каменщиков» Бухтармы, возможно, придется сделать исключение: в 1927 г. в Сказочную комиссию поступило большое (90 №№) количество сказок от собирателя А. Н. Белослюдова. См.: Краткий отчет о деятельности Сказочной комиссии в 1927 г. // Сказочная комиссия в 1927 г. С. 5.

⁸³ Так она всегда называла его в письмах к подруге и сослуживице Е. Э. Бломквист.

ческого разряда ГАИМК, секретаря Этнографического отделения ГО, организатора крупнейших комплексных экспедиций — сделала ее одним из лучших «полевых» работников. Наиболее значимыми для нее оказались Верхневолжская, Бухтарминская и особенно Юго-Восточная Великоорусская комплексная экспедиция 1925—1927 гг., ограниченная из-за недостатка средств Воронежской губ. Большинство самых значимых работ ее в разных областях народознания написано по результатам обследования этого края, куда она совершила повторные поездки в 1936 и 1939 гг. Именно ей принадлежит честь открытия сказочной планеты Русского Юга — не менее значительной, но гораздо менее обследованной, чем Русский Север; все свои фольклористические «открытия» она сделала в этом регионе. И если вещевые и фотоколлекции, собранные ею, хранит Российский этнографический музей, то фольклорный, текстовый этнографический и диалектологический материал почти неизвестен.

Являясь участницей множества комплексных экспедиций, Н. П. Гринкова везде и всегда работала по трем направлениям: лингвистике (диалектологии и истории языка), этнографии (особенно этнографии костюма и обрядов — свадебного и троичских) и фольклору (особенно сказке и обрядовой поэзии), причем фольклор и описания обрядов фиксировались так, что являлись для исследователя «материалом не только этнографическим и фольклорным, но и диалектологическим».⁸⁴ Во все три области она внесла вклад и как собиратель, и как исследователь. В этом отношении любопытен рабочий отчет Надежды Павловны в Этнографическом отделе Русского музея⁸⁵ за 1926 г. (составлен 15 января 1928 г.): «Напечатаны следующие статьи:

1. Говор «тудовлян» Ржевского уезда. — Изв. Отд. РЯз и Сл., т. XXXI.
2. Одежда западной части Калужской г⟨убернии⟩ — (Мат⟨ериалы⟩ по этн⟨ографии⟩), т. III.
3. О записи сказок в Ворон⟨ежской⟩ г⟨уб⟩ в 1926 г. («Сказочная комиссия в 1926 г.»).
4. Рецензия в журн. „Этнография” ⟨...⟩».⁸⁶

Лингвистика здесь представлена статьей о говоре тудовлян,⁸⁷ этнография — об одежде Калужской губ., фольклористика — о записи воронежских сказок.⁸⁸

Специфика нашей науки «состоит прежде всего в сочетании в одном лице собирателя и исследователя. Такое сочетание довольно редко встречается на Западе, но очень характерно для советской практики»,⁸⁹ и «нужно считать уже отжитым время, когда исследователь-фольклорист мог и не быть вместе с тем собирателем и непосредственным наблюдателем того, как фольклор бытует в реальной жизни».⁹⁰ Надежда Павловна не была только «непосредственным наблюдателем»: «поле» на многие годы стало для нее той «лабораторией», в которой выковывалась продуктивная методика записи, проверялись мысли, методы работы, ставились «эксперименты». Во время первой экспедиции в

⁸⁴ Гринкова Н. П. Воронежские диалекты. С. 20.

⁸⁵ Основное место ее работы с 1921 по 1939 г.

⁸⁶ Архив РЭМ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 202, л. 1 об.

⁸⁷ Этнографическая группа русского населения по берегу р. Тудовки в Ржевском уезде Тверской губ.

⁸⁸ Гринкова Н. П. 1) Очерки по русской диалектологии. IV. Говор тудовлян Ржевского у. // ИОРЯС АН СССР. 1926. Т. 31; 2) Одежда западной части Калужской губ. // Материалы по этнографии / ЭО ГРМ. 1927. Т. 3, вып. 2; 3) О записи сказок в Воронежской губернии в 1926 г. // Сказочная комиссия в 1926 г. Л., 1927.

⁸⁹ Азадовский М. К. Советская фольклористика за 20 лет // Советский фольклор: Сб. статей и материалов АН СССР. М.; Л., 1939. № 6. С. 12.

⁹⁰ Соколов Ю. М. Очередные задачи изучения русского фольклора // Художественный фольклор. 1926. № 1. С. 15. — То же с не меньшим основанием может быть отнесено к этнографии и диалектологии. С другой стороны, и в Сказочной комиссии были крупные исследователи, не занимавшиеся полевой работой.

1920—1921 гг. неопытным собирателям в измученных гражданской войной лужских и гдовских селениях часто приходилось выдавать себя за привычных деревне учителей и «статистиков» (то есть статистиков); чтобы получить хоть какой-то материал, работали парами: один расспрашивал и отвлекал, другой записывал исподтишка.⁹¹ В 1924 г. в ржевском селе Молодой Туд Надежда Павловна использовала эту методику уже сознательно и открыто: Е. И. Розова, жена ее нерадивого напарника «Коленьки»,⁹² играла роль «разговорщика», а сама Надежда Павловна вела запись.⁹³ В 1926 г. в воронежском селе Мастюгине она дважды запишет одну сказку с разрывом в два дня («в плане постановки опыта по изучению стабильности текста сказки у одного и того же сказочника»⁹⁴ и придет к выводу: «Существенной разницы между обоими вариантами этой сказки нет, но чувствуется в обоих случаях свободный рассказ, а не раз усвоенный штамп».⁹⁵ «Обычно полагают, что фольклористика — это наука, а собирательство — только предверие науки. Собирательству — поле, исследователю — кабинет!»⁹⁶ Гринкова же выступала исследователем уже на первом этапе — этапе сбора полевого материала. И очень большое место отводила методике полевой работы. Проблема «поля» как места для «постановки опыта по изучению» важнейших проблем фольклористики и организации «не только общих собирательских экспедиций, но и теоретически направленных»⁹⁷ будет актуальной и в 1979 г.

Общественная деятельность в Сказочной комиссии совпала для Н. П. Гринковой с основной работой в Этнографическом отделе Русского музея, куда она пришла в то время, когда «признали за музеями не только значение хранилищ и показательных (то есть показывающих, экспонирующих свои материалы. — М. Н.) учреждений, но и особенно значение их как научно-исследовательских живых учреждений, ставших могучим фактором развития науки, образования и просвещения широких народных масс»,⁹⁸ и музеи на целое десятилетие стали ведущими, определяющими центрами научной мысли.⁹⁹ Привезенный из комплексных экспедиций, предполагавших разностороннее изучение человека как представителя культуры этноса на местах, материал, включая вещевые и фотоколлекции, собиратель обязан был зарегистрировать и научно обработать. Не был исключением для Гринковой и материал, предназначенный для Сказочной комиссии. Периодически Надежде Павловне, как и другим сотрудникам ЭО ГРМ, приходилось описывать собранное ее товарищами или предшественниками, знакомиться с коллекциями других музеев и учреждений, что расширяло кругозор, помогало опознать хранящиеся в музее «непонятные» предметы. Ту же функцию выполняло описание зафиксированного сказочного материала. Возможно, в «каталогизацию» собранного ее предшественниками вложен и труд Гринковой.

Гринковские описания текстов по типу полностью соответствуют описаниям сказочных сюжетов из сборников А. Н. Афанасьева, Д. Н. Садовникова,

⁹¹ Фрагмент чернового отчета Н. П. Гринковой по экскурсии в Петроградскую губ. 1920/21 г. Рукопись. С. 13, 6 // МИ РГПУ, л. ф. Гринковой. — Нумерация страниц автора; сохранились лишь восемь из них.

⁹² «Научно-технический» сотрудник ГАИМК Н. С. Розов. См.: Сообщения ГАИМК. Л., 1926. Т. 1. С. 24.

⁹³ Письмо Н. П. Гринковой к Е. Э. Бломквист от 28 августа 1924 г., № 4, с. 3 // МИ РГПУ, л. ф. Гринковой. Письма к Е. Э. Бломквист.

⁹⁴ ЦГА СПб., ф. 4331, оп. 30, ед. хр. 140, л. 152.

⁹⁵ Гринкова Н. П. О записи сказок в Воронежской губернии в 1926 г. С. 41.

⁹⁶ Венедиктов Г. Л. О целях фольклорного собирательства. Л. 1.

⁹⁷ Венедиктов Г. Л. Тезисы к докладу «Цели собирания фольклора» («О целях фольклорного собирательства»). Рукопись. Л. 1, тезис 4 (Архив Г. Л. Венедиктова).

⁹⁸ АРАН, ф. 135, оп. 2, ед. хр. 125, л. 6. — См. также: Человек. 1928. № 2—4. С. 248.

⁹⁹ Членами Ученого совета Русского музея (ГРМ) были академики А. А. Шахматов и С. Ф. Ольденбург.

И. Я. Рудченко и других, а также описаниям неопубликованных сказок на карточках из фонда С. Ф. Ольденбурга.¹⁰⁰ Для Надежды Павловны характерна первичная научная обработка сказочного материала в виде краткого, емкого описания текста с определением типа сюжета по указателю Аарне—Андреева со ссылкой на варианты в других сборниках; она сразу проводила «каталогизацию» записанных ею текстов, не затрудняя Н. П. Андреева.

Сотрудники музея подготавливали по итогам экспедиций временные экспозиции, на которых делались доклады, кроме того, отчитывались статьями, печатавшимися в научных сборниках, в краеведческих изданиях и пр.; иногда издавались даже монографии.¹⁰¹ Хотя объемных отчетов и полевых материалов большинства экспедиций найти уже невозможно, статьи, в большинстве своем представляющие первичную научную обработку материалов, хранят крупнейшие библиотеки страны. Не все собрания Сказочной комиссии, которые она не имела возможности издать, дошли до нас. Но то, что она сочла «необходимым» «постепенно опубликовывать эти материалы» в виде «описаний собраний сказок с указанием соответствующего № каталога сказочных тем Аарне и нескольких вариантов из русских сборников»,¹⁰² вводило в научный оборот хотя бы информацию о распространении сюжетов в регионе для картографирования. Такой публикацией является сопровождающая статьи Гринковой о Куприяниках и Д. И. Трухачёва «каталогизация» их сказок. Более подробная, с описанием сюжетов, — в «Сказках Куприяниках», более краткая, только с указанием названия, номера по указателю и параллелей, — для текстов М. Никаноровой и Д. Трухачёва.¹⁰³ Через 81 год описания сказок Куприяники, представленные в статье, помогли мне опознать эти тексты.

Мы знаем, что весной 1925 г. Надежда Павловна записывала сказки и в Жиздринском уезде бывшей Калужской губ.¹⁰⁴ Сохранилось описание некоторых из них, сделанное самой исследовательницей, с отсылкой к номеру указателя, иногда с замечаниями для осмысления сюжетов. Любопытно сравнить описание № 3 с комментариями исследовательницы и описание № 42 Куприяники. Жиздринский, № 3: «Чорт савецкий. Сын прислал матери 100 р., она пошла получать на почту и не получила. Ночью пришел к ней комиссар в виде черта. Она сказала, что денег нет. Пришла на почту и рассказала. Послали с ней 2 человек. Ночью пришел черт, те его схватили.

Своеобразная современная переделка (?) легендарного рассказа о жадном попе (= 831*; А 144). Почти несомненно, что именно переделка: вместо попа — комиссар, вместо легендарного прирастания шкуры — арест!»¹⁰⁵

По наблюдению Д. А. Золотарева, фигуры комиссара, красноармейца, солдата, очень популярные среди деревенской молодежи, появлялись не только в

¹⁰⁰ Архив РАН, ф. 208, оп. 1, ед. хр. 81. — Известно, что «каталогизацию» изданных сборников и нового материала, поступавшего в комиссию, проводил Н. П. Андреев, одного из зеленских сборников — А. И. Никифоров, рукописных материалов, хранящихся в крупных библиотеках, — Н. М. Элиаш.

¹⁰¹ Результатом исследования русских Южного Алтая стала совместная монография Н. П. Гринковой и Е. Э. Бломквист: Бухтарминские старообрядцы. [Сб. ст.] / АН СССР. Л., 1930 (Материалы комиссии экспедиционных исследований. Вып. 17. Серия Казакстанская).

¹⁰² Гринкова Н. П. Краткий отчет о деятельности Сказочной комиссии в 1926 г. // Сказочная комиссия в 1926 г. С. 6.

¹⁰³ При отсутствии сюжета в указателе Аарне—Андреева давалось краткое описание текста. Ср. описание первого сюжетного хода № 30 «Цыган» Куприяники (Гринкова Н. П. Сказки Куприяники // Художественный фольклор. 1926. № 1. С. 87) с описанием очень близкого ему № 22 Д. И. Трухачёва (Гринкова Н. П. О записи сказок в Воронежской губернии в 1926 г. С. 44). То, что это один сюжет, не указывается, хотя догадаться об этом можно. К сожалению, исследователь не дает отсылок, по которым видны были бы соответствия в обоих репертуарах.

¹⁰⁴ Позже Брянская обл. Местонахождение записей неизвестно.

¹⁰⁵ Гринкова Н. Сказки Калужской г(уб)у., б. Жиздринский у. № 3. Записано: весна 1925 г. Краткое описание. Рукопись // МИ РГПУ, л. ф. Гринковой.

частушках, но и в виде домовых росписей, игрушек, пряников. Автор приводит изображение пряничного «камисара» из Калужской губ., где Гринковой был записан текст этой сказки.¹⁰⁶

Сказка Куприянихи: «№ 42. „Кирик”. Поп отказался хоронить жену Кирика без денег; тот пошел сам рыть могилу и нашел котел денег. Поп захотел узнать, откуда Кирик достал деньги. Нашел бычью кожу и приходил за деньгами три ночи. На третью ночь Кирик отдал ему котел. У попа руки приросли к котлу и кожа к голове. Позвали Кирика, котел отстал, а в коже поп проходил 15 лет. А 831х, мои записи из Жиздринского уезда».¹⁰⁷

«Все члены комиссии, попав в поле для работы в той или иной области, искали случая и возможности для пополнения записей сказок»;¹⁰⁸ сказки будут наиболее значимой частью фольклорного материала, собранного Гринковой.¹⁰⁹ Во время первой экспедиции она очень переживала, когда ей, молодой, старухи не раскрывали заговоров, которыми щедро делились с собирателями в возрасте.¹¹⁰ Через четыре года она найдет Барышникову, дед, отец которой и она сама в молодости были пастухами, но, записав всего шесть заговоров, все свое внимание обратит на сказки. Перечень сказок, записанных в 1920—1925 гг., приложенный к гринковскому «Отчету о работе Сказочной комиссии в 1924—25 гг.», свидетельствует, что сказок записывалось весьма много и по количеству текстов сама Гринкова отнюдь не лидировала: Россия еще была «сказочной» страной, особенно, как считалось, «севернее Москвы».

Но Надежда Павловна, разделяя и развивая выработанные комиссией установки, искала сказку и сказочников с объемным репертуаром во всех регионах, где приходилось работать. В Воронежской губ. Н. П. Гринкова, по ее словам, посетила за время пяти экспедиций в 1925—1927, 1936 и 1939 гг. 29 селений,¹¹¹ где записывала песни, заговоры, частушки и др.¹¹² Именно здесь, на Русском Юге, в местах, заселенных позже многих регионов Сибири (повторно, как считала исследовательница), в товарном, культурно обнищавшем или изначально бедном, как всем казалось, регионе она открыла поистине «сказочные» богатства и уже этим вписала свое имя в историю фольклористики.

«Летом 1925 г. на мою долю выпало большое счастье для собирателя — встретиться со сказочницей, хранительницей большого числа прекрасных старинных сказок». Она славилась и как песенница, плачя, знаток обрядов и их поэзии, знала множество поэтических загадок, заговоры и многое другое. Записав от нее 37 песен, 6 заговоров, свадебный обряд с песнями, 500 частушек, секретарь Сказочной комиссии сделала упор на сказках: «Найти сказочника довольно трудно, но разговорить и получить возможность записать от него большое число сказок еще труднее».¹¹³ И бросив другую работу¹¹⁴ ради Куприяни-

¹⁰⁶ Золотарев Д. А. Этнографические наблюдения в деревне РСФСР (1919—1925) // Материалы по этнографии / ЭО ГРМ. Л., 1926. Т. 3. Вып. 1. С. 146.

¹⁰⁷ Гринкова Н. П. Сказки Куприянихи // Художественный фольклор. 1926. № 1. С. 89 (№ 42). — Определение сюжета как А-831 х дано в статье. См.: СУС ВСС, № 831. Публикация полного текста в записи Гринковой: Полное собрание русских сказок. Т. 14: Сказки Куприянихи: Записи 1925—1942 гг. № 43.

¹⁰⁸ Гринкова Н. П. Отчет о работе Сказочной комиссии за 1924—25 гг. С. 9.

¹⁰⁹ Наряду с обнаруженными свадебными и троицкими материалами.

¹¹⁰ Фрагмент черновика отчета Н. П. Гринковой по экскурсии в Петроградскую губ. в 1920—1921 гг. Рукопись. Л. 5 // МИ РГПУ, л. ф. Гринковой.

¹¹¹ Гринкова Н. П. Воронежские диалекты. С. 21. — Со сказочницей А. К. Барышниковой она встречалась и в 1938 г. в Ленинграде.

¹¹² «Существенным дополнением» к собранному воронежскому материалу Надежда Павловна называет «фольклорные записи, в общем количестве 125 сказок, 85 песен, 6 заговоров, 3 тысячи частушек». См.: Гринкова Н. П. Воронежские диалекты. С. 21.

¹¹³ Гринкова Н. П. Сказки Куприянихи. С. 81.

¹¹⁴ Задачей Н. П. Гринковой, ее подруги и этнографа Е. Э. Бломквист и их помощницы Н. А. Троицкой было комплексное обследование бывших Землянского и Задонского уездов Воронежской губ.

хи, сказочницы с одним из самых больших и, по мнению исследовательницы, далеко не исчерпанным¹¹⁵ репертуаром в 56 номеров в регионе, где наличия сказочной традиции вообще не предполагалось, Н. П. Гринкова будет прежде всего добросовестно, максимально близко к звучащей речи, записывать тексты. Но не только. Она запишет и материал околофольклорный, необходимый для понимания феномена данного человека как индивида и как представителя традиции. Исследуя регион на протяжении многих лет, Надежда Павловна придет к выводу, что «в Воронежской области фольклор бьет ключом»,¹¹⁶ и особенно это касалось сказки. Она добьется повторных командировок к своим воронежским сказочникам с «неисчерпанным» репертуаром в 1936 и 1939 гг., отстояв, хотя бы «в размерах, обусловленных основной задачей экспедиции», саму возможность научной работы,¹¹⁷ ставшей к тому времени в музеях лишь средством для решения утилитарных проблем. Не декларируя этого, она объективно поставит вопрос о необходимости повторных рабочих контактов с исполнителями¹¹⁸ для более полной записи и дальнейшего изучения бытования сказочных репертуаров и фольклора в целом. «В этот раз», через 11 лет после первой встречи, она привезет от Куприянихи не только диалектологический материал,¹¹⁹ но и «16 новых сказок и весь фольклорный материал, связанный с весенними обрядами»,¹²⁰ и фотографии, которые до сих пор хранятся в фототеке РЭМ.¹²¹

Важнейшим требованием Сказочной комиссии при записи материала была максимально точная фиксация сказочного текста¹²² — его диалекта, художественных особенностей и структуры. Можно только позавидовать тому, как Гринкова успевала перекладывать на бумагу размеренную сказочную речь Куприянихи.¹²³ Сказочные тексты она считала особо ценными и для изучения фольклора, и для изучения языка: если поющий «строго придерживается усвоенного текста, иногда повторяя неясные, непонятные слова», так как «из песни слова не выкинешь», то «при создании сказочного варианта сказочник позволя-

¹¹⁵ Утверждение Гринковой оказалось верным: репертуар А. К. Барышниковой был в 30-х гг. значительно пополнен и другими собирателями: С. И. Минц, А. М. Новиковой и И. А. Оссовецким, В. А. Тонковым и самой Надеждой Павловной (16 сказок, записанных за два дня 1936 г., не найдены). Кроме того, существовали записи М. М. Сергеевко 40—50-х гг. и Г. А. Чесноковой. Изданы были только материалы А. М. Новиковой и И. А. Оссовецкого, а также В. А. Тонкова. Послевоенные издания сказок Барышниковой для детей в обработке М. М. Сергеевко в качестве научных рассматриваться не могут.

¹¹⁶ Гринкова Н. П. Воронежский фольклор. С. 22.

¹¹⁷ Для себя — «по одежде, орнаментике, фольклору и свадебным обрядам». Научные задачи всех трех участниц экспедиции были обозначены в документе, подписанном зав. 1-м Отделом (т. е. Отделом народов РСФСР) Н. П. Гринковой 3 июня 1936 г. см.: Архив РЭМ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 561, л. 6—7.

¹¹⁸ К сожалению, это удалось только с А. К. Барышниковой в 1925, 1936 и 1939 гг. (они встречались и в 1938 г.), Д. И. Трухачёва в живых она уже не застанет. Многие положения Гринкова разовьет в статье 1934 г. «Вопрос о сказочнике в русской фольклористике».

¹¹⁹ Собирательницу очень интересовало изменение лексики сказочницы в связи с изменением ее социального положения.

¹²⁰ ЦГА СПб., ф. 4331, оп. 30, ед. хр. 141, л. 54.

¹²¹ Фотоматериалы Н. П. Гринковой и Т. А. Крюковой из Б. Верейки 1936 г., в том числе портреты Куприянихи, см.: Фототека РЭМ. Кол. 5876, № 146d/3, 146d/1, 146-с (затрудняюсь определить, буквы «d» или «альфа». — М. Н.) и снимок № 5876-162, где сказочница сидит на улице за столом перед побеленным и расписанным домом дочери. На сохранившихся чрезвычайно интересных, но технически неважных этнографических снимках Гринковой 1925 г. из Б. Верейки (Фототека РЭМ. Кол. 5092. Гринкова, 1925 г.) лица сказочницы разглядеть почти невозможно: на снимке № 5092-114-а старуха с внуком в группе женщин в народных костюмах — Куприянихи. Портреты Барышниковой и Трухачёва 1925 и 1926 гг. не сохранились (многие стекла-негативы утрачены в войну).

¹²² Фонограф использовался лишь для записи музыкального фольклора — мелодий песен и частушек.

¹²³ Гринковские № 11, 23, 30 и половина № 27 записаны Е. Э. Бломквист, сменявшей уставшую напарницу.

ет себе делать те или другие изменения в сравнении с впервые услышанным им текстом» и «вносит свое личное, субъективное, окрашивая сказку в местный колорит, придавая ей бытовые черты своего селения».¹²⁴ Рассматривая сказку с точки зрения фольклориста — как произведение искусства и культуры, она стремилась передать не только диалектные особенности, но и ритм сказочной речи, индивидуальную интонацию сказочницы¹²⁵ — не грамматический, логический смысл, а манеру рассказчицы, под значком ударения скрывая и ударение в слове, и ритм, и интонационный акцентный всплеск в сколь угодно малом периоде. Сама запись текстов разных сказочников показывает разницу их индивидуальности. Неверная с логической точки зрения разбивка на абзацы, отсутствие точек в текстах Барышниковой свидетельствуют о попытке передать не только интонации, но и особой структуры,¹²⁶ возможно, сбоев речи и бес-силлии собирателя в некоторых случаях — она вела запись очень скрупулезно, специально оговаривая дословность ее;¹²⁷ описки машинистки, печатавшей громадный разнородный материал повышенной сложности, не только возможны, но и, безусловно, присутствуют, но они не объясняют существа отступлений¹²⁸ от логической нормы.

Остается только пожалеть, что система интонационной и структурной фиксации звучащей речи, которая позволяет перенести на бумагу конкретный текст, не редактируя его, предложена Г. Л. Венедиктовым только в 1985 г.,¹²⁹ иначе «установка на творчество или отсутствие ее», «эмоциональный настрой» или «влияние личного настроения минуты», «паузы внутри предложения и между предложениями»,¹³⁰ которые не смогла передать собирательница, нашли бы свое выражение.

Мы располагаем не собственно полевыми, а уже машинописными текстами, иллюстрирующими «речь сказителей» А. К. Барышниковой и Д. И. Трухачёва,¹³¹ причем последним, очень плохого качества экземпляром, в котором в отличие от первых могли и не исправляться сделанные ошибки. Тексты, подготовленные для диалектологических изданий самой Надеждой Павловной, таким разнородным¹³² и аморфностью не отличаются, они даны в весьма подробной транскрипции, разбивка на смысловые периоды грамматически четкая.¹³³ Но для диалектолога важна речь как конкретное выражение варианта языка, который используется всей культурной общностью данной местности, а не только индивидуом, — языковая стихия, а не культурные берега фольклора. При демонстрации

¹²⁴ ЦГА СПб., ф. 4331, оп. 30, ед. хр. 141, л. 294.

¹²⁵ Хочется думать, что сознательно.

¹²⁶ Надежда Павловна училась не только у Н. М. Каринского, А. А. Шахматова, Е. Ф. Карского, но и у Л. В. Щербы, развернувшего учение о синтагме.

¹²⁷ Гринкова Н. П. Сказки Куприянихи. С. 83.

¹²⁸ Три текста Куприянихи, опубликованные М. К. Азадовским в 1932 г., демонстрируют тот же характер записи. Возможно, Азадовский получил от Н. П. Гринковой весьма «слепую» машинопись и, не прояснив невнятных мест у собирательницы, допустил небольшие ошибки при публикации.

¹²⁹ Венедиктов Г. Л. Опыт фиксации фольклорной прозы как творческого процесса // Русский фольклор. Л., 1985. Т. 23. С. 100—106.

¹³⁰ Там же. С. 100.

¹³¹ С оговоркой, что материалы этих, а не других исполнителей используются как «более обширные». См.: Гринкова Н. П. Воронежские диалекты С. 127.

¹³² При фиксации текстов Трухачёва в отличие от сказок Барышниковой в машинописи постоянно используются синтагматическое ударение, знак мягкости согласных, «j» и др., а предложения и смысловые периоды выделены более четко.

¹³³ Например, «Трусливый Ваня» Куприянихи. — См.: Гринкова Н. П. Очерки по русской диалектологии. V. О некоторых говорах б. Задонского и Землянского у(ездов) Воронежской губернии (приложение) // ИОРЯС АН СССР. Л., 1929. Т. 2. Кн. 1. С. 115—116; «Залатая блюцца» Куприянихи. — См.: Гринкова Н. П., Чагшиева В. И. Практические занятия по диалектологии: Пособие для пединститутов. Л., 1957. № 195. С. 162—164 — в менее подробной транскрипции, как и «Правда и Кривда» Трухачёва (там же. № 197. С. 165—166).

диалектологического материала, а тем более используемого для обучения студентов, совершенно не нужны индивидуальное интонирование и индивидуальная структура текста, очень желательные для фольклористов и психологов.

Надежда Павловна изучала сказку с точки зрения не только фольклориста, но и диалектолога: сказочная речь — наиболее отточенная веками, архаичная, но не формализованная — особенно важна и при изучении языка в его развитии, и при изучении языковых художественных средств фольклора. Именно фольклор давал возможность историку языка обнаружить, казалось бы, изжитые диалектом формы: так, только «при записи сказок у одной старухи в д. Волошово» «и у другой — в тексте заговора» Надежде Павловне «удалось услышать» изжитое лужскими говорами цоканье.¹³⁴ Диалектологический и сказочный материал бывшей в 1925 г. «на положении деревенской побирушки» Куприянихи она отстаивала перед оппонентами, ибо к моменту последнего контакта, как писала Гринкова, «это человек, работающий над своей книгой, которую ей записывают, она является членом Союза советских писателей и живет в кругу верхов нашей общественной жизни, и интересно проследить, что ей дала эта новая жизнь». Исследовательница поясняла: «Это принципиальный вопрос, необычайно интересный в плане изучения современного движения языка в нашу эпоху. Я располагала таким материалом, которым редко располагают наши диалектологи, и потому я на нем подробно остановилась».¹³⁵ Этот материал, «необычайно интересный» и «редкий» для изучения фольклора, психологии индивида и этноса, культурологии и других дисциплин, является базой продолжения всестороннего изучения сказочника, начатого ею в рамках Сказочной комиссии. Принципиальность Надежды Павловны дала нам возможность обрести живые сказки открытых ею воронежских сказочников.

Свое первое собирательское открытие — одной из крупнейших по числу записанных текстов сказочниц — Н. П. закрепил не только их совместным с Е. Э. Бломквист отчетом в августе 1925 г.,¹³⁶ кратким упоминанием в бюллетене «Сказочная комиссия в 1924—25 гг.», но и докладами в заседаниях Сказочной комиссии. Как в ЭО ГРМ ею делались доклады на экспозициях по итогам полевых сезонов, так и на заседаниях Сказочной комиссии весной 1926 г. она выступила с тремя сообщениями о записи сказок в Воронежской губернии в 1925 г. (это и есть сказки Барышниковой).¹³⁷ Вероятно, Гринкова предполагала и выступление Куприянихи на заседаниях комиссии: со слов самой Барышниковой воронежский писатель М. М. Сергеенко сообщает о письменном приглашении в Ленинград, полученном ею от Надежды Павловны, но сказочницу не отпустили перепугавшиеся «девки» — дочери.¹³⁸

Полный «отчет» о сказках и сказочнице появится в № 1 издания «Художественный фольклор» за 1926 г. в виде статьи «Сказки Куприянихи» с кратким и

¹³⁴ Гринкова Н. П. Очерки по русской диалектологии. III. К диалектологии Ленинградской губернии. С. 265.

¹³⁵ ЦГА СПб., ф. 4331, оп. 31, ед. хр. 552, л. 47. — Курсив мой. — М. Н. Слова Куприянихи о данной ей «новой жизни» приводит и Ал. Шубин. См.: Шубин Ал. Мастер сказки. Анна Куприяновна Барышниковая // Коммуна. 3 февраля 1939. № 27.

¹³⁶ Бломквист Е., Гринкова Н. Этнографическая экскурсия в бывш. Задонский и Землянский уу. // Известия Воронежского краеведческого общества (краеведческий ежемесячник). 1925. Август. № 2. С. 21—23. — Об открытии Куприянихи см. с. 22.

¹³⁷ 19 марта (вместе с сообщением А. И. Никифорова «Несколько терминов, связанных со сказкой»), 2 апреля (с сообщением Н. П. Андреева «Анализ сказки „Кумова кровать“») и «текущими делами») и 16 апреля 1926 г. (с сообщением Л. А. Мерварт «Записи сказок у сенегальцев» и «текущими делами»). См.: Архив РАН, ф. 849, оп. 2, ед. хр. 238, л. 120, 123, 125.

¹³⁸ Речь, вероятно, идет об официальном приглашении. См.: Сергеенко М. М. Бабушка Куприяниха (к 85-летию со дня рождения) // Литературный Воронеж: Альманах Воронежского отд. Союза советских писателей. Воронеж, 1954. № 33 (1). С. 304. — Упоминание о том, что Гринкова «в Ленинград к себе звала», см.: Тонков В. А. Жизнь и творчество А. К. Барышниковой // Сказки Анны Куприяновны Барышниковой. Воронеж, 1939. С. 8.

четким описанием записанных автором 56 текстов.¹³⁹ Публикация статьи Надежды Павловны в органе ГАХН закрепляла контакты Сказочной комиссии и секции народного творчества ГАХН в Москве, руководимой Ю. М. Соколовым.

Отметив в отзыве 1935 г. «значительное количество записей фольклорного материала, выполненных с необходимой научной тщательностью», и то, что Н. П. Гринковой «принадлежит также ряд работ исследовательского характера», Н. П. Андреев особо выделил три ее статьи: «Старая и новая свадьба в Ржевском уезде Тверской губернии» (1926 г.), «Сказки Куприянихи» (1926 г.) и «Вопрос о сказочнике в русской фольклористике» (1934),¹⁴⁰ он упоминает также обзоры работы Сказочной комиссии и статью «О записи сказок в Воронежской губернии в 1926 г.». «Воронежская сказка о Ленине» (1936 г.) и «Воронежский фольклор» (1939 г., опубликована в 1940 г.) еще не были написаны.

Как видим, работ Гринковой, посвященных фольклору, немного, но они весьма значимы, поскольку ставят важнейшие, зачастую болезненные для науки проблемы.

Превосходная статья о ржевской тудовлянской¹⁴¹ свадьбе на стыке фольклористики и этнографии, высоко оцененная Н. П. Андреевым¹⁴² и названная Д. К. Зелениным «образцом изучения весьма сложного русского свадебного ритуала в одном районе»,¹⁴³ как и «Обряд „вождение русалки“ в с. Б. Верейка Воронежской области» на материалах Барышниковой 1936 г.,¹⁴⁴ выводы которой часто основываются «на крайне субъективных истолкованиях обрядов»,¹⁴⁵ не могут рассматриваться здесь, как не связанные прямо с работой Сказочной комиссии.

Статья «Сказки Куприянихи» посвящена А. К. Барышниковой; «отчет» «О записях сказок в Воронежской губернии в 1926 г.», раскрывая фиксирование и состояние сказочного и песенного фольклора в бывшем Коротоякском уезде, в значительной степени посвящен творчеству Д. И. Трухачёва (как и «Воронежская сказка о Ленине») и ему самому; «Вопрос о сказочнике в русской фольклористике» носит методологический характер. Итоговой фольклористической статьей, поднимающей самые важные и большие вопросы современной науки, стала последняя работа Гринковой в этой области — «Воронежский фольклор» (1939). Больше в качестве исследователя к фольклористике как науке Надежда Павловна не вернется, хотя в военное и послевоенное время продолжит запись фольклорного материала.

Понимая, что квалифицированных собирателей катастрофически не хватает, Гринкова не оставит надежды на дальнейшее обследование страны «в фольклорном отношении»: уже будучи профессором ЛГПИ им. А. И. Герцена и ст. научным сотрудником Института языка и мышления АН СССР (позднее — Институт русского языка), она сделает все возможное для активизации систематической собирательской работы. Отмечая, что фольклор для тома «Песни и сказки Воронежской области» собирался «всего в течение нескольких месяцев и в весьма немногих районах области», она ожидала поступления более обильного материала в процессе последующих работ, «которые особенно должны развернуться в связи с включением факультета языка и литературы Воронежского пе-

¹³⁹ Издание статьи Гринковой в органе Академии художественных наук — пример сотрудничества Сказочной комиссии с секцией народного творчества ГАХН.

¹⁴⁰ Андреев Н. П. Отзыв о работах Н. П. Гринковой по фольклору. 1935 г. // Архив РГПУ, л. д. 452, л. 21 (дубль — л. 23—23 об.).

¹⁴¹ Тудовляне — этнографическая группа русского населения, живущего по берегам р. Тудовки в Ржевском уезде Тверской губ. См.: Гринкова Н. П. Старая и новая свадьба в Ржевском у. Тверской губ. // Ржевский край. 1926. № 1. С. 98—142.

¹⁴² Архив РГПУ, л. д. 452, л. 21 (дубль — л. 23—23 об.).

¹⁴³ Архив РАН, ф. 849, оп. 1, ед. хр. 663, л. 1.

¹⁴⁴ Гринкова Н. П. Обряд «вождение русалки» в с. Б. Верейка Воронежской области // СЭ. 1947. № 1. С. 178—184.

¹⁴⁵ Венедиктов Г. Л. Проводы весенних русалий и культ умирающего бога (о вариантах культурно-исторического развития). Рукопись. Л. 12—13 (Архив Г. Л. Венедиктова).

дагогического института в составление Всесоюзного атласа русского языка». В значительной степени ее стараниями к работе над Атласом «под общим руководством Института языка и мышления Академии наук СССР» был привлечен ряд педагогических вузов РСФСР: «В процессе работы по собиранию диалектов участники экспедиций соберут значительный фольклорный материал».¹⁴⁶ Но издание Атласа не было осуществлено из-за кампании по борьбе с «марризмом», все наработанное было изъято и переправлено в Москву, где и следует искать диалектологические и фольклорные материалы.

Данью уважения к работе товарища по Сказочной комиссии явился том серии «Литературные памятники» «Сказки и легенды пушкинских мест: Записи 1927—1929 гг. / Записи, наблюдения и исследования В. И. Чернышева. Подгот. к изд. Н. П. Гринковой и Н. Т. Панченко», выпущенный много лет спустя, в 1950 г., при активном участии Надежды Павловны.

«В статье „Сказки Куприянихи“ (<...>) Н. П. Гринкова дает характеристику одной из замечательных русских рассказчиц сказок и ее репертуара. Не ограничиваясь „описанием“ рассказчицы (описание это, нужно заметить, выполнено чрезвычайно тщательно, с необходимой научной строгостью), Н. П. Гринкова дает очень удачное сжатое изложение всех ее сказок (56 №№) с указанием во многих случаях параллелей из известных сказочных сборников. Особенно оригинальна и ценна характеристика стиля рассказчицы, показывающая, что Н. П. Гринкова (в отличие от ряда этнографов-собираателей) чрезвычайно внимательно относится к художественной стороне сказки и умеет показывать эту сторону», — писал в «Отзыве о работах Н. П. Гринковой по фольклору» Н. П. Андреев в 1935 г.¹⁴⁷ В последней своей фольклористической статье она прямо назовет фольклор «искусством», считая, что в нем отражается «особый этнографический облик» населения как продукта местных условий.¹⁴⁸

Монографическая статья о сказочнице с одним из крупнейших на то время записанных репертуаров кажется всеобъемлющей, заслуженно претендует на «многостороннее раскрытие вопроса», ставя и, где возможно, решая весь комплекс задач, связанных с проблемой сказки и сказочника. Не ограничиваясь указанием на потомственное владение материалом отца и деда, исследовательница выявила, что не только семейные традиции питали репертуар сказочницы. Куприяниха выступала среди односельчан не как исключение, а как «первая среди равных» — среди многих, знавших данные сказочные сюжеты; но она лучше всех владела мастерством рассказчицы,¹⁴⁹ и этим объяснялась ее слава. Традиции обеих социальных групп — бывших крепостных и однодворческая — были для сказочницы родными: дочь и внучка крепостных, вышедшая замуж за однодворца, став знаменитой и получив квартиру в Воронеже, вывезла и бережно хранила «местный национальный костюм с(ела) Б(ольшой) Верейки», стоя в нем в дни праздников на трибуне перед зданием обкома ВКП(б): это был *знак* ее принадлежности к однодворческой верейской традиции.¹⁵⁰ Водя же собирателей по родному «барскому» Архангельскому, она постоянно обращала их внимание на своеобразие его традиций по сравнению с верейскими.¹⁵¹

¹⁴⁶ Гринкова Н. П. Воронежский фольклор. Вариант статьи. Машинопись. С. 41 // МИ РГПУ, л. ф. Гринковой.

¹⁴⁷ Архив РГПУ, л. д. 452 (дубль — л. 23—23 об.).

¹⁴⁸ Гринкова Н. П. Воронежский фольклор... С. 15, 21.

¹⁴⁹ См.: Гринкова Н. П. Сказки Куприянихи. С. 84. — Односельчане были однодворцами в отличие от дворовых пастухов Левона и Куприяна Клотневых; это значит, что Куприяниха могла черпать из обоих источников.

¹⁵⁰ Гринкова Н. П. Командировка в Воронежскую область в 1939 г. Гос. музей этнографии // Архив РАН, ф. 849, оп. 5, ед. хр. 196, л. 4.

¹⁵¹ Гринкова Н. П. Очерки по русской диалектологии. V. О некоторых говорах б. Задонского и Землянского уездов Воронежской губернии. С. 98. — «Неофициальное» название с. Архангельского—Чуриково (по имени бывшего владельца помещика Сурокова), именно оно упоминается обычно как место рождения Барышниковой.

В статье нашлось место художественному анализу сказок как традиционных и краткому лингвистическому анализу: отмечено появление современной лексики в вековых сюжетах исполнительницы.¹⁵² Это было редкостью: даже к 1948 г. «специальные исследования языка фольклора» были так малочисленны, что «до сих пор не заняли подобающего места».¹⁵³ «Лингвостилистическое изучение сказки открывается статьей Н. П. Гринковой „Сказки Куприянихи“. (...) Исследования по фольклорной лингвостилистике еще только начинались, и Н. П. Гринкова стояла у их истоков»,¹⁵⁴ — писал Е. А. Костюхин, отказывая при этом исследовательнице в интересе к композиции сказки. Между тем именно она обратила внимание на отсутствие «нагромождения сюжета на сюжет», самостоятельность и законченность сюжета каждой сказки. Это то, чем будут характеризоваться сказки южнорусские в принципе:¹⁵⁵ краткость, отсутствие громоздких контаминаций,¹⁵⁶ весьма сильная демифологизация,¹⁵⁷ то есть она наметила описание своеобразия сказочной традиции русского Юга. И, конечно, нарисовала «портрет души» исполнительницы, раскрыла ее отношение к материалу и место его в ее жизни: «Неграмотная, жившая в нужде и непосильной работе старуха в 1925 году, закончив все дела по хозяйству, уложив внуков спать и накормив ужином взрослых, вернувшихся с поля, прибежала поздно вечером ко мне в школу, где, при свете свечи, за чашкою чая, рассказывала мне одну за др(угой) свои чудесные сказки. Она была довольна и польщена тем интересом и вниманием, кот(орые) я проявляла во время записи».¹⁵⁸ И для Гринковой, и для исполнительницы это не было забавой: Барышниковая в конце 30-х гг. искренне радовалась признанию, сочтя, что наконец-то и ее труд оценен по заслугам.¹⁵⁹

Имея серьезное самостоятельное значение, эта работа явилась частью комплексного исследования культуры населения региона и встала в ряд со статьями о его говоре и традиционной одежде самой Надежды Павловны и об архитектуре Е. Э. Бломквист.¹⁶⁰

После встречи с Барышниковой стало ясно: «Существование сказочницы с большим репертуаром сказок говорит о стойкости фольклорной традиции, о стойком интересе среди народных масс к этому виду народного творчества».¹⁶¹ И исследовательница стала сознательно искать в регионе сказочника с крупным репертуаром.

¹⁵² Позже, в 1939 г., подводя итоги многолетнего изучения фонетического и грамматического строя сказочной речи члена Союза писателей А. К. Барышниковой в «Воронежских диалектах», она признает его «однотипным» прежнему, лексику же — необычайно обогатившейся «новыми словами». См.: Гринкова Н. П. Воронежские диалекты. С. 127. — Подглавка «Речь сказителей» посвящена языку открытых ею сказочников. См. с. 127—136.

¹⁵³ ЦГА СПб., ф. 4331, оп. 30, ед. хр. 98, л. 19.

¹⁵⁴ Костюхин Е. А. 1920-е гг.: становление отечественного сказковедения // Из истории русской фольклористики. СПб., 2007. Вып. 7. С. 39.

¹⁵⁵ В частности, и сказки Д. И. Трухачёва.

¹⁵⁶ По свидетельству наших с Г. Л. Венедиктовым «северных», тихвинских информаторов, еще в 60-е гг. XX в. старики рассказывали на молодежных «посидках» одну сказку несколько вечеров.

¹⁵⁷ Сказки Куприянихи более приземленные, не такие «волшебные», как более северные, что отметят и последующие собиратели ее творчества.

¹⁵⁸ Архив РАН, ф. 849, оп. 5, ед. хр. 196, л. 4.

¹⁵⁹ Тонков В. А. Жизнь и творчество А. К. Барышниковой. С. 9; Сергеев М. М. Бабушка Куприяниха... С. 304.

¹⁶⁰ Гринкова Н. П. 1) Очерки по истории русской диалектологии. V. О некоторых говорах б. Задонского и Землянского у(ездов) Воронежской губернии. С. 76—116; 2) Женская одежда в бывш. однодворческих селах Задонского и Землянского районов // СЭ. 1937. № 1. С. 137—154; Бломквист Е. Э. Материалы по истории жилища придонских районов Воронежской области (жилище феодальной эпохи) // СЭ. 1934. № 5.

¹⁶¹ Гринкова Н. П. Воронежский фольклор. С. 22.

На следующий год в Острогожском (бывшем Коротояжском) уезде, одном из первых в Воронежской губернии «по глухости и отсталости»,¹⁶² четырехдневное общение со старым шведом Д. И. Трухачёвым из с. Мاستюгина Урывского района¹⁶³ подарило ей репертуар из 35 прозаических текстов,¹⁶⁴ благодаря чему сказочник предстал как «ценный объект для методических наблюдений».¹⁶⁵ Теперь речь шла уже не об отдельном «мастере» с большим репертуаром, а о подтвержденной материалом «стойкой местной сказочной традиции» в крае, что явилось ее вторым открытием как собирателя. Это полностью меняло представления и о Воронежском крае, и о русском Юге в целом, воспринимавшемся в первую очередь как товарный, ориентированный на копейку и рынок, культурно нивелированный буржуазными отношениями регион, а значит, корректировало наши представления о самих себе как этносе, помогая объективному осознанию себя и тем самым спасая от ошибок.

Третье «собирательское» открытие Гринковой распространило данную традицию далеко на запад, за рамки Воронежского края: материалы Барышниковой не только имели сходство, но иногда буквально совпадали с жиздринскими сказками,¹⁶⁶ записанными Надеждой Павловной весной 1925 г. Особенности сказочных текстов, подмеченные исследовательницей в статье «Сказки Куприянихи», давали возможность ставить вопрос о южнорусской сказочной традиции в целом, не похожей на северную так же, как северные наречие, архитектура, костюм не походили на южные.

Статья «О записи сказок в Воронежской губернии в 1926 г.» резко отличается от помещенной перед ней, идентичной по теме, чисто описательной работы Н. М. Элиаш¹⁶⁷ своей проблемностью. Она делится на две части: одна — отчет о записях в бывшем Коротояжском уезде с кратким анализом бытования старинных сказок и песен;¹⁶⁸ другая, монографическая, посвящена сказочнику Д. И. Трухачёву и его репертуару и типологически совпадает со «Сказками Куприянихи», являясь прекрасным материалом для изучения индивидуальности сказочника и его вклада не только в бытование традиционной сказки — это направление было одним из стержневых в работе Сказочной комиссии, — но и в создание «сказки» самостоятельной. Именно в связи с творчеством Трухачёва,¹⁶⁹ по зову сердца сочинявшего злободневные «прокламации», а не в связи с обласканной позднее, принятой в Союз писателей, но, как человек народной культуры, не прирученной Барышниковой, встала перед исследовательницей проблема перехода культурного человека деревни к ориентации на «городские», условно говоря, личностные ценности.

Надежда Павловна приходит к выводу о недавнем обилии в регионе знатоков сказки, которая на момент записи не востребована молодыми¹⁷⁰ и потеряла авторитет стержневой, системной ценности; ее заменил хлесткий по форме и

¹⁶² Гринкова Н. П. О записи сказок в Воронежской губернии в 1926 г. С. 38.

¹⁶³ Тогдашнее деление на «районы» соответствует, вероятно, прежнему волостному, но не дублирует его: с. Мастюгино принадлежало к Оськинской волости.

¹⁶⁴ Так в данной статье Гринковой. Судя по текстам — 37 записей и 36 сюжетов, в основном сказок.

¹⁶⁵ Гринкова Н. П. О записи сказок в Воронежской губернии в 1926 г. С. 39.

¹⁶⁶ Это сходство и совпадение отмечено Н. П. Гринковой в ст. «Сказки Куприянихи» (с. 95). Жиздринский уезд входил тогда в Калужскую губ. (позже в Брянскую обл.) — это юго-запад обширного южнорусского региона.

¹⁶⁷ Элиаш Н. М. Собрание сказок в Старорусском уезде Новгородской губернии (1919—1926) // Сказочная комиссия в 1926 г. С. 32—37.

¹⁶⁸ Обращаю внимание, что Сказочной комиссии дается отчет о бытовании не только сказок, но и песен.

¹⁶⁹ Ему посвящена полностью и ст.: Гринкова Н. П. Воронежская сказка о Ленине // Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. Л., 1936. Т. 2. Вып. 1. С. 319—325.

¹⁷⁰ Они, по «общему указанию» местных жителей, «больше в книжку ударяют». См.: Гринкова Н. П. О записи сказок в Воронежской губернии в 1926 г. С. 39.

злободневный по содержанию краткий самодеятельный рассказ с использованием фольклорных элементов. Так данный регион наглядно демонстрировал то, о чем предупреждал в 1916 г. С. Ф. Ольденбург, — замену народной сказки бытовым рассказом. Процесс «выламывания» крестьянства из системы собственной культуры, смещения интереса взрослого населения и переориентации его на «городские» ценности зафиксирован исследовательницей на примере не только сказки, но и старинной «тягучей» песни: уходят как сказка — «мертвый груз»,¹⁷¹ хранимый еще стариками, так и песня, заменяемая короткими и хлесткими частушками со злободневным содержанием.¹⁷² Исследовательница отмечает параллельность утраты этих жанров и одновременно тенденцию к распространению в регионе не только крестьянской рубахи, более близкой по покрою и декору к общерусской, но и городской общерусской одежды¹⁷³ — кофты с юбкой и платка, — воспринимаемой местным населением как мода «хахляцкая».¹⁷⁴ Таким образом, глубокий и системный процесс охватил не только сказку¹⁷⁵ или фольклор в целом, но и все стороны жизни местного крестьянства — области как духовной, так и материальной культуры.

Надежда Павловна исподволь подводит нас к мысли, что в очень богатых сказочными и песенными традициями регионах и процесс отхода от культуры к благам цивилизации, утраты духовных богатств народа идет значительно быстрее, чем в регионах более бедных.

Монографическая часть статьи, где дан портрет сказочника, характеристика его манеры исполнения и репертуара, описаны обстоятельства записи и тексты, не имела резонанса «Сказок Куприянихи», на второй по величине сказочный репертуар Воронежской области не обратил внимания *никто*.¹⁷⁶ Но в этом есть и невольная вина собирателя: статья о «тетке Анютке» и ее сказках выглядит всеобъемлющей; интереснейший материал о Трухачёве оставил после себя множество вопросов, касающихся как текстов сказочника и их бытования, так и его биографии. Загруженная другой работой в более сложном и разнообразном по традициям, чем бывший Землянский уезд, регионе, не имея помощи,¹⁷⁷ Гринкова работала со сказочником явно недостаточно, затратив лишь малую часть времени и усилий, потраченных на Куприяновну (четыре дня работы против двух недель, из них лишь три были отданы традиционным сказкам), и, понимая это, оправдывалась, что «сказка не была главным заданием» ее работы.¹⁷⁸ Известно, что и в области фольклора в 1926 г. «главное внимание было сосредоточено на свадебном обряде ввиду того, что в предшествующем году по этому вопросу был собран большой материал».¹⁷⁹

¹⁷¹ Там же. С. 43.

¹⁷² Информация, насколько эта частушка, «страдавая» или «побаска», традиционна, а насколько содержит в себе элемент самодеятельный, грубо говоря, «синеглузный», статья не содержит.

¹⁷³ То есть тенденцию к утрате местного народного костюма.

¹⁷⁴ Поскольку она распространялась через отходчиков, находивших сезонную работу на Кубани, где и русское, и обильное украинское население носило уже общерусский городской костюм. См.: Гринкова Н. П. Однородная одежда Коротоякского уезда Воронежской губернии // Известия ЛГПИ им. А. И. Герцена. Л., 1928. Вып. 1. С. 173.

¹⁷⁵ «Сказка сохраняется только как детское развлечение, и почти каждая бабушка знает несколько детских сказок». См.: Гринкова Н. П. О записи сказок в Воронежской губернии в 1926 г. С. 43. — Пример в статье — упоминание о паре детских сказок Матрены Никаноровой.

¹⁷⁶ Гринкова Н. П. О записи сказок в Воронежской губернии в 1926 г. С. 38—45. — Даже Н. П. Андреев, отметив наличие такой статьи в своем отзыве, ни слова не сказал о ней. См.: Архив РГПУ, л. д. 452, л. 21 (дубль л. 23—23 об.).

¹⁷⁷ В записи сказок Куприянихи ей помогала Е. Э. Бломквист (вероятно, и Н. А. Троицкая).

¹⁷⁸ Гринкова Н. П. О записи сказок в Воронежской губернии в 1926 г. С. 38. — Но сказка была лишь «одним из многочисленных заданий» и при работе с А. К. Барышниковой.

¹⁷⁹ Еремин С. А. Юго-восточная экспедиция // Сообщения ГАИМК. Л., 1926. Т. 1. С. 318. — Местонахождение упомянутого материала неизвестно, мною обнаружены лишь несколько разрозненных, лишенных комментариев текстов свадебных песен с. Прилепы.

Утверждая, что «в этом году не пришлось встретиться» со знатоком сказки ранга Куприянихи,¹⁸⁰ собирательница явно кривила душой, поскольку Трухачёв был по меньшей мере равновеликим Барышниковой сказочником (от него фиксировалось по 11 текстов в день!). К сожалению, не произведен сравнительный анализ репертуаров и методов двух сказочников, которые по одним параметрам оказываются чуть ли не близнецами, а по другим — почти антиподами.¹⁸¹ Если от Барышниковой произведены дополнительные записи и этой собирательницей, и другими,¹⁸² то репертуар умершего к повторной экспедиции 1939 г. швеца Трухачёва фактически лишь намечен, а многие насущные вопросы, которые могли быть поставлены и решены на его примере, перешли в разряд «неразрешимых». Мне посчастливилось найти его тексты, краткие, но выразительные и цельные,¹⁸³ и можно смело сказать, что не записанный от него сказочный материал — это одна из тех невосполнимых утрат, о которых писал Д. А. Золотарев.¹⁸⁴

«Этого сказочника, — пишет Надежда Павловна, — следует рассматривать как приспособление старых творческих сил к новым формам жизни, к новым запросам...»¹⁸⁵ Изучение самодеятельных произведений фольклорносителя, которые автор и его аудитория «не отличают от традиционных сказок»,¹⁸⁶ — это изучение личностного, самодеятельного творчества. Как происходил процесс трансформации человека фольклорной традиции в самодеятельного автора, связанного с традицией не так жестко и лишь косвенно, насколько далеко он зашел, мы можем только гадать: известно о сказочнике, что «он сам выше ценит свои собственные произведения», хотя, польщенный интересом собирательницы к «старой „брехне“»¹⁸⁷ народных сказок, прилагал все силы, чтобы вспомнить их. Ведь в лице старого швеца собирательница общалась не столько с автором самодеятельных «прокламаций», сколько со знатоком большого количества традиционных сказок. По замечанию И. А. Оссовецкого, «традиционный фольклор и фольклор современный представляют собой качественно различные устнопоэтические формации».¹⁸⁸ Обе они, встретившиеся, не пересекаясь, у одного человека, требовали тщательной фиксации и изучения, что одной из первых поняла и сделала Н. П. Гринкова. Это была проблема сохранения старых традиций и лишь возможности складывания со временем новых, чему посвящена статья ее многолетнего «патрона» и учителя Д. А. Золотарева.¹⁸⁹

Механику самодеятельного творчества представителя фольклорной среды: как он строит текст, какие образы фольклора и художественные средства использует, — раскрывает статья 1936 г. «Воронежская сказка о Ленине»,¹⁹⁰ по-

¹⁸⁰ Гринкова Н. П. О записи сказок в Воронежской губернии в 1926 г. С. 38. — Во время четырехдневного визита к Куприянихе в 1935 г. трех собирателей (С. И. Минц, А. М. Новиковой и И. А. Оссовецкого) от нее было записано «несколько сказок, пословиц и поговорок», то есть неизмеримо меньше, чем Гринковой от Д. И. Трухачёва за то же время, притом что собиратели базировались на записях Надежды Павловны. См.: Новикова А. М. Творческий портрет сказочницы А. К. Барышниковой (Куприянихи) // Сказка и несказочная проза: Межвуз. сб. / МГПУ им. В. И. Ленина. М., 1992. С. 139.

¹⁸¹ Хотя такой анализ вышел бы за рамки означенной в названии темы.

¹⁸² С. И. Минц, А. М. Новиковой, И. А. Оссовецким, В. А. Тонковым, М. М. Сергеевко, Г. А. Чесноковой и, возможно, другими.

¹⁸³ Следует отметить, что, хотя работа проведена явно недостаточная, сами тексты записаны безукоризненно.

¹⁸⁴ Архив РАН, ф. 135, оп. 2, ед. хр. 125, л. 25. — См. также: Человек. 1928. № 2—4. С. 259.

¹⁸⁵ Гринкова Н. П. О записи сказок в Воронежской губернии в 1926 г. С. 43—44.

¹⁸⁶ Гринкова Н. П. Воронежская сказка о Ленине. С. 321.

¹⁸⁷ Там же. С. 320, 321.

¹⁸⁸ Оссовецкий И. А. Фольклор Великой Отечественной войны // Советская книга. 1946. № 6/7. С. 15.

¹⁸⁹ Золотарев Д. А. Этнографические наблюдения в деревне РСФСР (1919—1925). С. 143—157. — Постановка проблемы — с. 144 (не на фольклорном материале).

¹⁹⁰ Гринкова Н. П. Воронежская сказка о Ленине. С. 319—325.

священная одной из «новых сказок», или «прокламаций», Д. И. Трухачёва.¹⁹¹ Автор делает чрезвычайно ценные наблюдения для понимания качественного различия двух «устнопозитических формаций». В традиционной сказке, как покажет она в статье «Воронежский фольклор», современность проявляется сколь угодно ярко, но только в «отдельных эпизодах», в «деталях», поскольку сказочник выступает не как сочинитель, а как интерпретатор традиции и художник.¹⁹² Здесь, в самостоятельной «прокламации», закономерность обратная: присутствует «новая тематика и острый, волнующий сюжет», притом что самое оформление его «подается в обрамлении фольклорными традициями» и рассказчик «вносит из своего фольклорного запаса, из своей поэтики отдельные детали, отдельные штрихи для художественной подачи» реальных событий и лиц.¹⁹³

Немаловажно, что в записях и статьях Надежды Павловны осуществлен крупный «задел» для изучения сказочной традиции разных территорий и социальных групп края: смешанной у Куприянихи и однодворческой («качаганской») у Трухачёва. Материалы бывших «барских» представлены записями В. А. Тонкова и Э. В. Померанцевой от А. Н. Корольковой из бывшего Бобровского уезда.¹⁹⁴ Ни собирательская, ни исследовательская работа Н. П. Гринковой в этом направлении не были продолжены, и А. И. Кретов в 1977 г. даже не ставит такого вопроса.¹⁹⁵ В настоящее время вопрос о своеобразии фольклора различных социальных групп воронежцев уже не подлежит решению.

Открытие одного из крупнейших из записанных на тот момент в стране индивидуальных сказочных репертуаров, устойчивой воронежской и, более широко, южнорусской сказочной традиции — вот тот основной вклад, который внесла в фольклористику Н. П. Гринкова как собиратель.¹⁹⁶ Следует упомянуть, что «сказочные» открытия Надежды Павловны стали стимулом для местных собирателей и имели существенное, хотя и не прямое влияние на сбор сказок в Воронежской области.

К методологическим проблемам Надежда Павловна обращалась в каждой своей работе, но исключительно им посвящена статья 1934 г. «В статье „Вопрос о сказочнике в русской фольклористике“» («...») Н. П. Гринкова дает сжатый обзор постановки вопроса о роли сказочника в русских фольклористических работах и намечает ряд новых очередных задач, стоящих перед фольклористикой в разрешении этого вопроса. Статья имеет, таким образом, и чисто теоретический характер (без описательной части).¹⁹⁷ Отмечая смещение интереса от общего к частному, от сюжета в целом к конкретному номеру и исполнителю, его индивидуальности, автор говорит о недостатках записей и исследований: неизданности текстов при обилии материалов о сказочниках; «отрыве анализа сказок и их носителей от той конкретной социальной среды, в которой они живут и творят»; не выявленности «классовых группировок» (социальных групп), культивирую-

¹⁹¹ Сам текст публикуется тут же, на с. 321—322, «в приблизительной транскрипции по техническим соображениям» (сноска 1 на с. 322). Из сказок Д. И. Трухачёва опубликована только «Правда и Кривда». См.: Гринкова Н. П., Чагишева В. И. Практические занятия по диалектологии: Пособие для пединститутов. Л., 1957. № 197. С. 165—166.

¹⁹² Гринкова Н. П. Воронежский фольклор. С. 14.

¹⁹³ Гринкова Н. П. Воронежская сказка о Ленине. С. 323.

¹⁹⁴ Аннинский район. Именно Гринкова обратит внимание читателя на первую публикацию в «Песнях и сказках Воронежской области» текстов А. Н. Корольковой, позднее ставшей первой в Воронежской области по количеству записанного фольклора. См.: Гринкова Н. П. Воронежский фольклор. С. 22.

¹⁹⁵ Кретов А. И. О современных записях воронежских народных сказок: Предисловие // Народные сказки Воронежской области: Современные записи. Воронеж, 1977. С. 3—14.

¹⁹⁶ Мы базируемся только на известных нам материалах Надежды Павловны, описанных ею в 1925—1926 гг. и найденных мною в 2006 г. Сказки Д. И. Трухачёва в настоящее время готовятся мною к печати. Надежда Павловна записывала разножанровый фольклор во время всех своих экспедиций, но у нас нет данных о местонахождении ее материалов.

¹⁹⁷ Архив РГПУ, л. д. 452, л. 21 (дубль — л. 23—23 об.).

щих сказку, и факторов, способствующих «развитию» этого жанра или «задержке»¹⁹⁸ его. Причины — в «методах собирания материала», в предвзятости подхода, когда собиратель по своему вкусу отбирает материал для записи, а при выборе сказочника ориентируется на мнение о нем односельчан.¹⁹⁹ При всех достоинствах «краевого подхода», который «следует признать сейчас наиболее целесообразным и правильным»,²⁰⁰ его серьезным недостатком Гринкова считает отсутствие установки на исчерпание репертуара исполнителя в собирательской и исследовательской практике.²⁰¹ Однако претензии Надежды Павловны необоснованны: с помощью «краевого подхода» решается более общая задача — выявление прежде всего традиции поселенной единицы, определенного «общества», репертуара социума, живой фольклорной среды, а не ее отдельного представителя. Оба подхода не исключали, а дополняли друг друга, были сторонами «комплексного исследования». Большое количество текстов, записанных от одного сказочника, как справедливо считала исследовательница, дает больший материал для выводов; запись всего разножанрового фольклора индивида дает возможность «наметить пути контаминации отдельных жанров» и влияния на сказку других фольклорных жанров, а также «книжности» (при грамотности исполнителя).²⁰²

Погоня за количеством записей не позволяет, по мнению автора, исследовать репертуар отдельного человека: постепенное припоминание забытого требует продолжительного контакта. Н. П. Гринкова ставит вопрос о необходимости полевого исследования местной традиции и подачи ее конкретными рассказчиками записей вариантов одного сюжета не только «из разных районов или селений», но и от односельчан, что позволило бы выявить и региональную традицию, и «творческую роль» каждого рассказчика в «деле отбора художественных моментов и общего оформления сказки»,²⁰³ сохранения и развития этой традиции. Она подводит к необходимости повторных контактов, множественности экспедиций²⁰⁴ для решения поставленных задач, но не ставит еще этого вопроса.

Экспедиции с максимально широким и относительно поверхностным обследованием необходимы, но они всего лишь разведочные: в нашей с Г. Л. Венедиктовым практике в первую поездку записывалось обычно лежащее на поверхности, самое ценное вспоминалось после отъезда собирателей. Сказку же, которую, по словам С. Ф. Ольденбурга, «найти и записать труднее всего», удавалось обнаружить даже не во вторую поездку. Первая экспедиция, являясь в значительной степени «экскурсией» для собирателей, выполняет роль «пускового крючка» памяти для исполнителей, настраивая их на контакт. Нахождение и поддержание контакта, усталость исполнителя при многочасовой ежедневной записи (5—6 часов подряд записей от Куприянихи), привнесение смуты в семью из-за нарушения ритма ее привычной жизни и работы, нервозность рассказчика, сокращение и порча материала и даже отказ от контакта с собирателем — важные и болезненные проблемы, в лоб поставленные Гринковой, не понаслышке знакомы всем более или менее серьезным собирателям. Опыт нашей полевой работы говорит о существовании *порога* контакта, который нельзя переступить, если собираешься еще работать с этим человеком.

¹⁹⁸ Гринкова Н. П. Вопрос о сказочнике в русской фольклористике. С. 175.

¹⁹⁹ Там же. — Между тем уже М. Б. Едемский отмечал, что некоторые славившиеся в округе «сказочники» вовсе не знали традиционной сказки, другие доносили ее в изуродованном виде. См.: Едемский М. Б. О собирании русских народных сказок: Из отчетов об этнологических наблюдениях по Северу России за последние годы. С. 44.

²⁰⁰ Гринкова Н. П. Вопрос о сказочнике в русской фольклористике. С. 177. — «Краевой метод» (подход) предполагает запись от всех тех, кто может и хочет рассказывать независимо от мнения окружающих. Именно этот подход взял за основу своих исследований А. И. Никифоров.

²⁰¹ Там же. С. 176.

²⁰² Там же. С. 178.

²⁰³ Там же. С. 179.

²⁰⁴ Она осуществит это на практике в 1936 и 1939 гг.

Следует отметить, что все эти важнейшие вопросы, поднятые секретарем Сказочной комиссии, так и остались нерешенными, и решить их, по крайней мере на материале сказки, уже не представляется возможным. С. Ф. Ольденбург не зря торопил с записью пока живой в стране сказки; мы оказались не только «ленивы и нелюбопытны», но и в значительной степени безответственны: *базы* существования сказки — культурного крестьянства, среды, выпестовавшей, развивавшей и хранившей ее, — уже не существует.

Во времена Гринковой дело еще обстояло иначе, и наиболее желательным она находит положение, при котором «рассказчик приходит *сам* и рассказывает, *когда* ему вздумается и *что* ему вздумается (ср. хотя бы мою Куприяниху)».²⁰⁵ Странно такое ожидание чуда вместо трудной работы у опытного собирателя и исследователя, каким была Гринкова. Ведь прежде чем «тетка Анютка» по просьбе собирателей пришла к ним в школу, они, не ожидая визитов, *сами* шли к ней записывать — и в душевной избе, когда она управлялась с делами, и под кустом в очереди на мельницу — *где* и *когда* представлялась *возможность*,²⁰⁶ проявляя инициативу: ведь исполнитель фольклора «сам ничего не дает, его надо расспросить»²⁰⁷ и ориентировать — в данном случае на традиционную сказку. Ожидание приглашения Д. И. Трухачёва обернулось сокращением рабочего времени до четырех дней и громадными потерями научного материала, а ведь он оказался единственным сказочником, с которым удалось поработать в Урывском районе!²⁰⁸ Если бы собирательница не настраивала старого швеца на припоминание не того, что *он* хочет, а именно традиционных сказок, все могло бы ограничиться самостоятельными «прокламациями». Существует и явление «забалтывания»,²⁰⁹ когда исполнителю хочется поболтать, узнать новости большого мира, а не рассказывать старую сказку. Не страшное для диалектолога, оно может оставить собирателя фольклора без полевого материала. В реальности собирательница проявляла инициативу, расспрашивала, ориентировала на фольклор, а не полагалась на везение. И, что очень важно, выверяла записанное.

Некоторые спорные положения, касающиеся «полю», в работах Надежды Павловны появлялись и ранее. В «Сказках Куприянихи» это прежде всего тезис о якобы неспособности крестьян понять всю важность собирания фольклора и о необходимости «костылей» в виде сбора вещевого материала. «Поездка за собиранием сказок в глазах местного населения — вещь фантастическая и нелепая, попросту собирателю не верят, что он действительно за этим приехал», — уверяла исследовательница.²¹⁰ Это противоречило собственному опыту Гринковой: не так было и с Куприянихой, принимавшей «горячее участие» в работе экспедиции и в течение двух недель сокращавшей из-за одного только «собирания сказок» свой сон до двух часов в сутки, и с Д. И. Трухачёвым, усердно

²⁰⁵ Гринкова Н. П. Вопрос о сказочнике в русской фольклористике. С. 178. — Курсив мой. Слова в скобках даны в сноске. — М. Н.

²⁰⁶ Ночные визиты Куприянихи в школу, не освобождавшие ее от каждодневной тяжелой работы, происходили по *просьбе* собирателей, и сказочница безусловно совершала подвиги для пользы дела: деревенскую работу по обеспечению существования не на кого переложить, поэтому даже желающий контакта исполнитель далеко не всегда *может* прийти к собирателю.

²⁰⁷ Венедиктов Г. Л. Доклад на Всесоюзной научной конференции по координации собирания и архивного хранения русского фольклора (23—27 окт. 1979 г.), сделанный в ИРЛИ. Рукопись, л. 1 (Архив Г. Л. Венедиктова).

²⁰⁸ Согласно отчету С. А. Еремина по Юго-восточной экспедиции, в 1926 г. записано «около 40 №№ сказок и выяснено бытование сказки в пределах обследованного района». См.: Еремин С. А. Юго-восточная экспедиция // ГАИМК. Сообщение I. Л., 1926. С. 318. — Из них 37 текстов, 36 сюжетов — сказки Д. И. Трухачёва, остальные — М. Н. Никаноровой из с. Прилепы Коротояжского района.

²⁰⁹ Венедиктов Г. Л. Красный конь. Глава «Разговоры, разговоры». Рукопись (Архив Г. Л. Венедиктова).

²¹⁰ Гринкова Н. П. Сказки Куприянихи. С. 81.

вспоминавшим по ночам изрядно забытые традиционные сказки.²¹¹ Они понимали, что, выкладывая «питерякам» сказки и остальной фольклор, помогают деду. Ведь, по мнению председателя Сказочной комиссии, «особенно бывают богаты результатами» те экспедиции, сотрудники которых «умеют лучше всего *объяснить* населению смысл и значение экспедиции», что является далеко не легкой задачей и «требует со стороны научных работников большого такта и умения»,²¹² которые и позволили Н. П. Гринковой открыть знающих сказочников и записать значительную часть их репертуаров. Другое дело, что вести запись так, чтобы «население невольно верило в серьезность нашей работы и как-то невольно само шло нам навстречу»,²¹³ на материале только духовной культуры, только фольклора и тем более только сказки, неизмеримо труднее, это требует от собирателя гораздо большего напряжения и усилий.

Складывается впечатление, что, усердно работая с Куприянихой, собиратель не использовала свои выкладки, а просто делала свое дело «со всей тщательностью». В случае же с Д. И. Трухачёвым последние установки частично уже были приняты к действию.²¹⁴ Многочисленные упущения в работе с ним, приведшие к недостаточному богатству полученного материала, возможно, объясняются нехваткой рабочих рук для фиксации разнородных культурных традиций региона и обилием разнообразных «заданий» Надежды Павловны во время полевого сезона: в экспедициях именно она несла ответственность за работу всего «этнографо-диалектологического отряда», состоявшего по примеру предыдущего года из нее самой, Е. Э. Бломквист и Н. А. Троицкой.

Обычно Гринкова работала в поле много и продуктивно, не только записывая, но и ставя и решая исследовательские задачи. Методика же записи, вскользь предложенная в статье о роли сказочника, давала простор собирателю-лентяю и пенкоснимателю, оправдывая его бездействие в то время, когда памятники духовной культуры народа гибли. Гринкова не могла не понимать это. При глубокой порядочности и добросовестности ее как человека, собирателя и исследователя предполагать фальсификацию материалов с ее стороны было абсолютно невозможно. Откуда же требования пустить все на самотек? Возможно, мы забываем о своей обязанности рассматривать любое явление, в том числе и статью «Вопрос о сказочнике...», в *контексте эпохи*. Для 20-х годов последние рекомендации Гринковой неприемлемы, но для 30-х такой подход был в значительной степени оправданным.

Миф о «перековке человека» в кратчайшие сроки заставлял видеть в каждом не потенциально, а в реальности «человека нового типа», на глазах собирателя творящего историю и себя, новые произведения и даже жанры, вроде «сказов»;²¹⁵ приветствовались и новые «сказки» с сочиненными сюжетами. В новом деле неопытному автору-исполнителю предлагалась «творческая помощь», при которой собиратель «старается дать сказителю как можно больше тем и сюжетов, *регулируя* его творчество».²¹⁶ Некоторые в желании поучать народ заходи-

²¹¹ Анна Куприяновна помогала собирателям не только в фольклорной, но и во всей остальной их работе; записывались ли от Давида Ивановича образцы других фольклорных жанров, неизвестно. Сказки Надежда Павловна привезла из Воронежской области и в 1927 г., но в гораздо меньшем количестве. Местонахождение их неизвестно.

²¹² *Ольденбург С. Ф.* Экспедиционная работа Акад. наук СССР // Архив РАН, ф. 208, оп. 1, ед. хр. 301, л. 29. — Курсив мой. — *М. Н.*

²¹³ *Гринкова Н. П.* Сказки Куприянихи. С. 81.

²¹⁴ В частности, ожидание визита или приглашения от *самого* сказочника, которое последовало за четыре дня до свертывания работ. См.: *Гринкова Н. П.* О записи сказок в Воронежской губернии в 1926 г. С. 39. — Если бы его не последовало, единственный однодворческий воронежский сказочный репертуар остался бы не записанным? Согласно нашему опыту, если собиратель не проявляет инициативы, значит, ему *не нужны* богатства фольклора и он занимается не *делом*, а баловством, которое никогда не вызывало уважения крестьян.

²¹⁵ Будто бы только что «родившегося» «фольклорного» жанра, притом что жанрообразование шло веками.

²¹⁶ *Комовская Н. Д.* Современные сказки // Советский фольклор: Сб. статей и материалов. 1941. № 7. С. 69. — Курсив Н. Комовской. — *М. Н.*

ли еще далее. «Свои сказки она создает при участии местного начинающего писателя: он дает тему, знакомит с материалом и даже обрабатывает текст сказки», — пишет И. И. Кравченко о донской казачке П. Х. Чекаловой. После создания сказки она «заучивает текст и лишь после этого рассказывает ее».²¹⁷ Здесь и речи нет о том, что «исполнение тождественно творческому процессу» и что «помнится ситуация, а ее оформление варьируется»;²¹⁸ ни проблемы разнородного варианта, поднимаемой Гринковой, ни вековых традиций этноса при таком подходе не существует. Было от чего прийти в ужас и желать, чтобы сказочник *сам*, в удобное *ему* время приходил к собирателю и рассказывал, что *он* хочет, а не что навязывали ему «инструкторы» от фольклористики, диктат которых вряд ли потерпел бы над собой сочинявший «прокламации» от чистого сердца старый швец-однодворец Д. И. Трухачёв. Так Гринкова полемизирует с линией фольклористики, которая очень скоро станет основной. Думается, Надежда Павловна хорошо понимала происходящие в гуманитарных науках процессы: ведь она была ученицей А. А. Шахматова, С. Ф. Ольденбурга, Е. Ф. Карского, Н. Я. Марра, Д. А. Золотарева, она пережила разгром родного музея.

Последняя фольклористическая работа исследовательницы, «Воронежский фольклор» (1939), поднимающая самые болезненные, самые животрепещущие проблемы, обобщая научный опыт автора, полученный в Сказочной комиссии, хронологически выходит за рамки ее существования и заслуживает отдельного разговора.

Значение Сказочной комиссии, мобилизовавшей силы интеллигенции как на фиксацию, доведение до читателя и мировой научной общественности, так и на исследование одного из стержневых явлений культуры — сказки, чрезвычайно велико.

Сказка в значительной мере определяла лицо этносов: с одной стороны, ее сюжеты сохранялись в веках; с другой — лишенная жесткой стихотворной формы, она, существуя в вариантах, творилась на глазах слушателей и впускала в себя современные детали и элементы индивидуального творчества. В этом отношении сказка была жанром, на базе которого решались многие проблемы не только фольклора, но и человеческой культуры в целом. Дело не было доведено до конца, о чем говорят громадные пробелы даже в собирательской работе, а также нерешенность методологических проблем (это выявила конференция фольклористов 1979 г.) и недостаточная исследованность сказки как жанра фольклора и явления культуры. Но именно Сказочная комиссия, объединившая под эгидой «руководителя научной работой по сказочному фольклору» акад. С. Ф. Ольденбурга научные силы, на многие десятилетия определила установки собирательской и исследовательской работы в этой и в других областях фольклористики. «Ваш горячий интерес к этим научным вопросам, Ваша эрудиция и методологические установки придавали особый интерес и значение всем работам Комиссии. Из многочисленных работ Комиссии считаем необходимым отметить издание лучших в методологическом отношении сборников сказочных материалов, напечатанных по Вашей инициативе и под Вашим непосредственным руководством, а также постановку и разработку ряда методологических вопросов в области сказковедения», — гласит текст поздравительного адреса Сказочной комиссии к 50-летию научной деятельности ее председателя от 1 января 1933 г.²¹⁹ Составление адреса входило в обязанности секретаря комиссии — Н. П. Гринковой, внесшей серьезный вклад в ее работу.

²¹⁷ Кравченко И. И. Советский фольклор Дона и Донбасса // РО ИРЛИ, разряд V, кол. 17, п. 26, № 5, л. 91.

²¹⁸ Венедиктов Г. Л. Опыт фиксации фольклорной прозы как творческого процесса. С. 100.

²¹⁹ Архив РАН, ф. 208, оп. 2, ед. хр. 30А, л. 1. — Адрес подписан Д. Зелениным, Н. Гринковой, А. Никифоровым, М. Едемским, М. Азадовским, А. Владимировым, В. Чернышевым, Н. Элиаш, И. Карнауховой, И. Крачковским, А. Кудряшевой, Н. Андреевым, П. Симони и членом комиссии, чья подпись неразборчива.